
АНАСТАСИЯ ПЫРЧЕНКОВА
&
АЛЕКСАНДРА САЛИЕВА
БЕРЕМЕННА от зверя
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Александра Салиева

Беременна от зверя

«Автор»
2026

Салиева А.

Беременна от зверя / А. Салиева — «Автор», 2026

— И что это? — хмуро смотрит Тамир на пододвинутый к нему пластик.
— Тест на беременность, — поясняю негромко. — Положительный.— И?
Я здесь причём?Его голос как сталь. Режет. Неприятно. Больно. Нерв за нервом.— Я беременна. От тебя.— От меня? Это вряд ли.— Но это правда,
— шепчу, поджимая губы. — Ты сам знаешь, я кроме тебя ни с кем не спала.
— И что ты хочешь от меня? Чтобы дал денег на аборт? Окей, нет проблем. Сама знаешь, мне не нужен ребёнок от кого попало. Тем более, от такой, как ты.Парень использовал меня, чтобы выиграть спор. Теперь я беременна от него, и он заставляет меня сделать аборт. Но всё меняется, когда в ситуацию вмешивается его старший брат. Я узнаю, что не просто беременна, а от оборотня.

© Салиева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 26
Глава 5 36
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Анастасия Пырченкова, Александра Салиева Беременна от зверя

Глава 1

За окном ливень. Косые капли стекают по панорамному окну кофейни, смазывая пейзаж за стеклом. Видны лишь расплывчатые очертания машин, зданий и людей. И это конец ноября. Не удивлюсь, если и декабрь будет таким же. В последние три года от зимы в нашем городе одно название. А я люблю зиму. Белый снег — это красиво. Добавляет миру волшебства, делая его чище и уютнее. Жаль, только округу — не людей.

— Ну и, чего звала?

На стул напротив плюхается короткостриженный русоволосый парень с серыми глазами, но я фиксирую это лишь краем зрения. Смотреть на него слишком больно. И стыдно. Тамир же разваливается с таким видом, будто ему всё равно. Хотя что это я? Ему ведь и правда плевать на меня. Я просто очередная зарубка в изголовье его кровати. К сожалению, осознала я это уже после того, как поддалась чарам этого мерзавца.

— Я…

Начинаю и замолкаю. Сцепляю ладони крепче между собой. Вся заготовленная речь выветривается из головы, когда Тамир стаскивает с себя худи, оставаясь в одной борцовке на голое тело.

Наверное, я шизанутая, раз даже после всего засматриваюсь на него, как в первый раз. Но иначе не получается. От него исходит аура силы и уверенности, и у меня каждый раз мозг будто клинит.

Тамир это замечает. Улыбается. Порочно. Нагло. Как умеет только он. Смакует мои эмоции одну за другой. Пьёт жадно. Не скрываясь и стесняясь.

Я ненавижу себя за эту слабость, но преодолеть её никак не получается. Хотя очень стараюсь.

— Так что? Скажешь уже, зачем позвала, или так и будешь пялиться на меня с видом потёкшей сучки? Или может ты именно для этого и позвала? Чтобы я тебя ещё разочек хорошенечко отодрал? Так ты не стесняйся, говори, как есть. А если поработаешь ротиком, то я может даже соглашусь на ещё одну встречу как-нибудь потом.

Морщусь. Грубые слова режут слух. Но это хорошо приводит в чувства.

— Нет. Не для этого, — опускаю взгляд на сомкнутые вместе ладони.

— И для чего тогда? — уточняет он безразлично. — Давай, говори уже скорее, а то у меня ещё дела есть.

Поджимаю губы и киваю. Глаза печёт от непролитых слез, но я заставляю себя держаться. Сама виновата, что поддалась его обаянию. Но и не поддаться не могла. Стоило ему раз посмотреть на меня и в мозгах розовый туман образовался. До сих пор не отпускает до конца, если честно. Мне кажется, притворись он опять милым, и я всё ему прощу. От самой себя противно, но факт. Вот и смотрю на свои руки. Медленно расцепляю пальцы. Вместе с ними раскрываю причину нашей встречи. Пододвигаю хранящийся там предмет к нему ближе.

— И что это? — ожидаемо не догоняет Тамир.

— Тест на беременность, — поясняю ему негромко. — Положительный.

— И? Я здесь причём?

Он говорит холодно, безразлично. Смотрит так же. Красивый, модный, с убийственной харизмой. Взгляд — светлый, туманный, обволакивает, затягивает в свою серую хмурь. Я встряхиваю головой и перевожу собственный взор обратно на руки.

— Я беременна. От тебя, — сообщаю вслух и без того понятное.

В ответ доносится смех. Громкий. Колючий. Язвительный.

— От меня? Это вряд ли.

Голос как сталь. Режет. Неприятно. Больно. Нерв за нервом.

— Но это правда, — шепчу, поджимая губы. — Ты сам знаешь, я кроме тебя ни с кем не спала.

На этот раз Тамир отвечать не спешит. Я чувствую, как он разглядывает меня. Пристально. Оценивающе. Зло. Только я не знаю, что именно его выводит из себя. Моя беременность или собственная оплошность, приведшая к ней. Наверное, и то и то. Взаимосвязано же.

— И что ты хочешь от меня? Чтобы дал денег на аборт? О'кей, нет проблем. Скажи, сколько надо, я переведу. Сама знаешь, это был просто секс. Мне не нужен ребёнок от кого попало. Тем более, от такой, как ты. Да и тебе тоже вряд ли нужен.

Он небрежно толкает пластик в мою сторону. Точно так же, как месяц назад выставил меня из своей квартиры, после нашего первого и единственного раза.

— Не надо мне ничего, — сообщаю тихо. — Просто хотела, чтобы ты знал.

Дальше продолжать беседу не вижу смысла. Он уже достаточно сказал по этой ситуации. Унижаться, выпрашивая поддержку и заботу, не хочу. Поднимаюсь из-за стола.

— Прощай, Тамир.

Собираюсь уйти. Но, шагнув от стола, оказываюсь остановлена его сильной рукой.

— Мой тебе совет — избавься от ребёнка, — сообщает он тихо, крепче сжимая пальцы вокруг моего запястья. — Я не шутил, когда сказал, что тебе это не надо. Этот ребёнок… он ошибка. Его не должно быть. Не знаю, как так вышло, но он тебе не нужен. Я серьёзно. От кого угодно, но не от меня.

— Ты прав. Это и правда было ошибкой, — соглашаюсь с ним.

Не потому, что проникаюсь его словами. Потому что окончательно уверяюсь — нам не по пути. И как только я могла видеть в нём что-то хорошее? Правду говорят: любовь ослепляет. Но я прозрела. Даже нахожу в себе силы взглянуть ему в глаза.

— Жаль, что мы с тобой встретились, — произношу напоследок.

Разрываю прикосновение и направляюсь к выходу. Очень стараюсь идти привычным шагом, не спеша, чтобы не показать, как сильно меня задело его безразличие и циничные слова про аборт. Ни мгновения не сомневался. А сперва ещё и обманщицей выставил. Будто я одна виновата в случившемся. Денег он мне готов дать. Да пусть засунет их себе в задницу. Не нужны мне его подачки! Как и он сам. Не понимаю, как могла видеть в нём что-то хорошее.

«Мой тебе совет — избавься от ребёнка», — бьется в мозгах как на повторе, а запястье ноет от боли.

От себя лучше пусть избавится!

— Сволочь, — шепчу ругательство себе под нос, утирая глупые слёзы.

Обидно. Не из-за слов. Что была такой дурой и поверила, что действительно нравлюсь Тамиру. Он так красиво ухаживал. Но лишь затем, чтобы выиграть дурацкий спор. Выиграл вот. По всем фронтам.

В груди от одной мысли, какая же я доверчивая идиотка, больно печёт, но я иду ровным шагом, не сбиваясь в истерику. И зонтик из подставки достаю с лёгкостью виртуоза. Разве что дверь кафе толкаю от себя чересчур резко, сразу нараспашку. Слышится сдавленное шипение, а до меня запоздало доходит, что я на эмоциях приложила кого-то этой самой дверью.

Вот блин!

— Божечки, простите меня, пожалуйста, — бросаюсь помочь пострадавшему по моей вине.

Это мужчина. Высокий, широкоплечий, массивный. Тёплое чёрное пальто это всё только подчёркивает. Под ним виднеется костюм с белой рубашкой. На руке золотые часы и печатка на мизинце. Замечаю их, так как именно этой рукой он держится за нос.

Я разбила ему лицо? Дверью… Вот так жесть!

— Вы как? — спрашиваю дрожащим голосом. — Очень больно? — протягиваю к нему руку, но так и не решаюсь прикоснуться. — Простите. Простите, пожалуйста. Я вас не заметила. Даже не подумала, что за дверью кто-то есть. Мне так жаль.

Мужчина с шумом втягивает в себя воздух, а затем вскидывает на меня свой взгляд, и мир внезапно застывает, пока я в шоке смотрю в чужой взор, подсвеченный медью. Яркий, рыжий цвет жидким металлом разливается по радужке, заставляя затаить дыхание.

Это что? Это как?

Медленно моргаю. Свечение гаснет. А я чувствую себя ещё больше ненормальной.

Привидится же такое.

Скорее всего взгляд просто отблеск фар проезжающей мимо машины поймал. Вот и показалось странное.

Зато настоящий цвет глаз у него просто потрясающий. Тёмный. Насыщенный. Почти в самом деле чёрный. Но не карий. Я бы назвала его графитовым. И я никогда прежде ни у кого таких не встречала. Очень красивый!

И не только взгляд…

— Не больно. Но тебе стоит быть осторожней при выходе из какого-либо помещения, — не сразу, но отвечает брюнет.

Голос у него тоже невероятный. Глубокий, бархатистый, с будоражащей хрипотцой. Как если бы меня в плед укутали, прижали к себе и что-то тихим ласковым тоном приговаривали на ухо. До мурашек пробирает.

— Вы правы, — кое-как выдавливаю из себя.

И тут же давлюсь языком. Потому что мужчина убирает руку с лица, и я теперь могу рассмотреть его полнее. Широкий лоб, густые брови, прямой нос, немного покрасневший от удара, в меру пухлые губы. Нижнюю половину лица покрывает аккуратная короткая бородка, смягчая суровые черты лица. Он хмурится, но выглядит невероятно добрым. А ещё очень шумно дышит, будто ему тяжело это делать, после столкновения носом с дверью. И мне становится вдвойне стыдно за свершённое.

— Простите, — произношу тихо в очередной раз. — Я правда не хотела, — смотрю на него с самым виноватым видом.

Мужчина одаривает меня внимательным взглядом. Не просто смотрит, а словно пытается понять, запомнить. Становится неловко. Особенно, когда его внимание задерживается на моей правой руке. Будто знает, что после хватки Тамира моё запястье болит. И я, смутившись, увожу его себе за спину. Что в общем-то смешно. Ему же даже не видно ничего. Рукав моей красной парки скрывает ладонь до самых пальцев. Но чувство, что он в курсе обо всём, не оставляет. Слишком пронизывающий у него взгляд. Серьёзный. Знающий. Совсем не такой, как у парней в универе. Спокойный. Сосредоточенный. И как ни глупо это отмечать, взрослый. Бывает, что и у стариков нет такого. А он по виду едва ли лет на десять старше меня.

— Не переживай. Я не мстительный, — возвращает внимание к моим глазам. — Хотя теперь я тебя точно запомнил. И при следующей встрече ты уже не отделаешься так легко.

— А? — хлопаю ресницами в растерянности.

Какая ещё следующая встреча? Он о чём?

— Не волнуйся. Больно не будет, — усмехается он. — Если сама не попросишь.

— Что, простите? — выдыхаю, не веря, что слышу это всерьёз.

— Ты слишком часто просишь прощения. Нравится стоять на коленях?

Весь флёр былого очарования, навеянный его видом и моим чувством вины, окончательно испаряется, как не было.

— А вам — получать по лицу? — язвлю, не сдержавшись.

Что за мужчины пошли?

Думают, если они богатые красавчики, то всё можно что ли?

Использовать, оскорблять, грубить, унижать…

На его губах расползается хищная ухмылка, но я не жду того, что последует за ней. Поправив на голове чёрный берет в тон длинных прямых волос, бросаю на незнакомца брезгливый взгляд, разворачиваюсь и ухожу, попутно раскрывая зонтик.

Хватит с меня на сегодня общения с противоположным полом!

Поеду домой, погружусь в учёбу, и…

В кармане вибрирует телефон. Достаю и отвечаю, не глядя. И без того знаю, кто звонит.

— Привет, Ромашка, — здороваюсь с улыбкой.

Вообще Наташка, но я по привычке зову её детским прозвищем. Не только потому, что оно рифмуется с именем. А потому что она сама тоже светленькая, с глазами, похожими на яркий сапфир, и по характеру очень милая и весёлая. Одним словом, девочка-ромашка.

— Привет, Альчонок, — здоровается она в ответ. — А ты где?

— Только вышла из кафе. С Тамиром встречалась. Скоро буду дома, тогда всё и расскажу, ладно?

— Оки. Жду.

Подруга первой сбрасывает звонок, а я зачем-то оборачиваюсь в сторону входа кофейни.

Там уже никого нет. Грубиян то ли вошёл внутрь, то ли ушёл.

И ведь не постеснялся сказануть такое первой встречной.

Как только язык повернулся?

Ненормальный.

Да и шут с ним! У меня есть дела поважнее, чем думать о чужом поведении.

На горизонте виднеется нужный мне автобус, и я спешу добежать до остановки, чтобы успеть в него сесть. Из-за дождя народа сегодня много, и в транспорте не только сидячих мест нет, но и стоячие все забиты. Я едва успеваю сложить зонт, как волна народа практически заносит меня внутрь, спеша укрыться от непогоды.

Пока еду, рисую в голове схему своих дальнейших действий.

Сейчас приеду домой, расскажу обо всём Ромашке под вкусный чаёк, а в конце разговора попрошу её присутствовать при последующем разговоре с родителями. Я им ещё пока не сказала о своём положении. Страшно.

Мама с детства вдалбливала нам с сестрой, что хорошие и правильные девушки ложатся в постель к мужчине только после замужества. И ни в коем случае не до него. Это аморально и унизительно. Так нельзя себя вести. А я нарушила все её учения, да ещё с последствиями. Наверняка будет грандиозный скандал. Но если и нет, то с Ромашкой всё равно спокойнее.

Она, кстати, встречает меня не только разогретой едой, но и улыбкой. А улыбка у этой девушки просто потрясающая. У неё вообще дар располагать к себе людей. Ромашка, как солнечный лучик. Видишь её и губы сами по себе разъезжаются в стороны.

Я так не умею. Мне сложно вливаться в компании. И в целом тяжело находиться среди толпы. Я предпочитаю одиночество и книги. Люблю настольные игры. Иногда всерьёз задумываюсь, как, такая, как Ромашка, может со мной дружить. Она же настоящий экстраверт. Чахнет в тишине от скуки. Но как-то так вышло, что мы с ней подружились.

В садике вместе строили дом из большим цветных блоков, фантазируя о том, как вырастим и построим себе такой. Один на двоих. В котором будем жить вместе с нашими семьями. В те года нам это казалось очень крутой идеей. С возрастом, конечно, фантазия померкла и

перестала быть такой уж прекрасной. Но живём в итоге мы всё равно вместе. Родители сняли нам на двоих квартирку недалеко от университета. И это была прекрасная жизнь в течение целого года. Пока в неё не влез Тамир и не испоганил всё.

Зачем я только согласилась с ним пойти на то злополучное свидание? Ведь не собиралась. Я же знала, какой он. Но в момент, когда он подошёл, взял меня за руку и, заглянув в глаза, нежно улыбнулся, а затем спросил, хочу ли я с ним сходить выпить кофе, язык отдельно от мозга выдал “да”.

До сих пор самой себе не верится, что я такое учудила. Хотя стоило ещё тогда догадаться, что это неспроста всё. Ну зачем богатому мажору, вокруг которого вьются такие же богатенькие и доступные девицы, невзрачная я?

Нет, я не уродина. Благодаря регулярным походам в зал и ежедневному бегу, у меня красивое тело, грудь — уверенная двоечка, широкие бёдра. Одним словом, есть на что посмотреть. Так же у меня круглое личико, светлая кожа, длинные густые чёрные волосы и зелёные с карими крапинками у зрачков глаза. Не эталон красоты, со своими недостатками в виде тонких губ и курносого носа, но всё же считаю себя адекватно симпатичной.

Моя проблема в ином — я совсем не компанейская. А парням подавай таких, как Ромашка. Лёгких, активных, с капелькой сумасшествия. С кем можно повеселиться от души, не думать о завтрашнем дне. Никому не интересно вести высокоинтеллектуальные беседы о литературе или музыке. Не то, чтоб я прям сама любила такое, но люди воспринимают моё тихое поведение зачастую именно в таком ключе. А я просто не вижу смысла обсуждать, кто с кем встречается, кто кого чпокнул, у кого какие новинки в гардеробе и прочую лабуду. Обо всём этом я могу посплетничать и с Ромашкой дома, если уж на то пошло. Она это обожает.

Хотя, скажу по секрету, я очень люблю посещать клубы. Не ради знакомств и выпивки. Вовсе нет. Мне нравится совсем иное. Затерявшись в толпе, закрыть глаза, запустить руки в волосы и отдаться на волю громким битам. Когда вокруг мелькают разноцветные лучи стробоскопов, не видно лиц и никто не лезет к тебе с глупыми вопросами. Ты прыгаешь и скачешь по танцполу, как сумасшедшая, орёшь, срывая голос, а всем пофиг. Как ни странно, это хорошо помогает выдворить мысли из головы, расслабиться и забыться прекрасным сном наяву. Ромашка даже шутит, что в будущем мне стоит открыть свой клуб. Чтобы любимый отдых приносил доход. И иногда я тоже о таком задумываюсь. Чем чёрт не шутит? А вдруг получится? Зря я что ли учусь на факультете экономики и управления предприятием?

Но что-то я не туда унеслась мыслями…

— Ну что? Как всё прошло? Что он сказал? — забрасывает меня вопросами Ромашка, помогая вернуться в реальность.

Пожимаю плечами и, убрав зонт в специальную подставку в углу, наклоняюсь, чтобы расстегнуть сапоги.

— Всё ожидаемо. Ребёнок ему не нужен, и вообще мне лучше сделать аборт, он всё оплатит, — сообщаю попутно.

— Вот козёл! — ругается подруга, топнув ногой. — Увижу, рожу ему расцарапаю!

Хмыкаю. Ромашка может. Часто на эмоциях сперва делает, потом думает. И как-то у неё так получается, без последствий. Парни любой каприз ей прощают, находя её эмоциональные всплески очень даже милыми.

В общем, ромашка она и есть ромашка.

Я стаскиваю с себя сапоги и ставлю их на специальную полку у стены. После чего, выпрямившись, расстёгиваю свою красную парку. Она отправляется на крючок открытого шкафа. Сверху пристраиваю берет.

Ромашка следит за мной, кусая губы.

— И что делать будешь?

Я отвечаю не сразу.

— Это очень плохо, если скажу, что я ещё не решила? — произношу глухо, уставившись в пол.

— Что за глупость? — возмущается подруга. — Естественно, ты сомневаешься. Я бы тоже на твоём месте сомневалась. Ты же не куклу рожаешь, а живого человека. Это время, деньги, прочие ресурсы. Попробуй вырасти нормального человека из маленького младенца. И чтоб не такой, как этот урод Тамир. Надеюсь, он передаст ребёнку только внешность, а всё остальное у ребёнка будет от тебя. Ты идеальная! А он дурак, раз не увидел этого за время вашего общения. Пусть возвращается обратно к своим доходягам в розовых корсетах. Это его уровень.

Улыбаюсь. Почти смеюсь.

— Ты такая милая, когда злишься, — хватаю её за щёчки.

— Аля! — вновь возмущается подруга, но через миг тоже смеётся, отвечая мне тем же.

Некоторое время мы так и дурачимся, пока обе чуть не падаем через оставленную мной на полу сумку.

— Ладно, идём на кухню, я нам поесть разогрела и чай заварила. Расскажешь обо всём за ужином, — предлагает Ромашка.

Киваю и иду за ней следом. Но на полпути сворачиваю в ванную комнату — умыться, после улицы. В ней же стаскиваю с себя одежду и кидаю в корзину для грязного белья, переодеваясь в домашний халат.

Ромашка ждёт меня уже за накрытым столом в обществе щей и хлеба, облизывая испачканную в сметане ложку.

— Ты нос испачкала, — сообщаю я ей с ухмылкой, присаживаясь напротив.

Она тут же спешит утереть обозначенную часть лица, но только размазывает больше. Молча протягиваю ей салфетку.

— Спасибо, — благодарит она.

Дальнейшие минуты мы проводим в тишине. А как только тарелки пустеют, я тихо произношу:

— Сходишь со мной в эти выходные к родителям? Надо сообщить им о беременности.

— То есть малыша оставляем? — уточняет Ромашка деловито.

И это её “оставляем” греет душу лучше любого другого слова поддержки.

— Ну если меня не прибьют за это, то да, — отшучиваюсь с натянутой улыбкой.

А вот подруга делает это куда искренней.

— Я тебя защищу! — обещает.

Если бы я тогда знала, к чему приведёт мой выбор…

Глава 2

Новое утро начинается с громкого вопля Ромашки.

— Аля-я! Мы проспали!

Сонно моргнув, я, приоткрыв один глаз, тянусь к лежащему под подушкой телефону. Яркий свет дисплея в полутёмной комнате на миг ослепляет, а затем я слетаю с кровати с тем же воплем, что и подруга.

Мы реально проспали!

Зря решили посмотреть на ночь вышедшие новые серии любимого сериала. Смотрели до трёх ночи. И вот результат.

— Это ты виновата, — ругаю Ромашку, прыгая на одной ноге, пытаясь сунуть вторую в узкие джинсы.

— Неправда. Ты первая предложила посмотреть сериал перед сном, — доносится с пыхтением из соседней комнаты.

— А ты убедила досмотреть все серии до конца, — парирую, втягивая живот, чтобы застегнуть всё те же дурацкие джинсы.

— А ты могла меня отговорить! — не сдаётся Ромашка.

Фыркаю на это и молчу. И сама прекрасно понимает, какую глупость сказала. Её отговорить, если она горит какой-то идеей — проще поезд с места сдвинуть вручную.

— Ладно, ладно, не ворчи. Давай лучше скорее собирайся, а то в самом деле на автобус опоздаем.

Да собираюсь я!

Как раз стаскиваю с себя пижамную футболку, заменяя её белым топом и красным лонгсливом.

Хорошо, хоть сумки у обеих с вечера собраны, не приходится ещё и на это тратить время.

Из квартиры мы не выходим, выбегаем. Чуть не сносим старушку-соседку, возвращающуюся из магазина, и под её ворчание со смехом летим по лестнице вниз.

— Простите! — кричим уже с нижнего этажа.

Ромашка впереди, я позади. В её спину я и врезаюсь, когда она вдруг резко тормозит на выходе из подъезда.

— Эй, ты чего? — потираю нос, ушибленный о её спину, скрытую короткой чёрной шубкой.

Подруга не отвечает, продолжая стоять в дверях, глядя куда-то вперёд. Приподнявшись на носочки, я пытаюсь рассмотреть причину такого ступора через её же плечо, но ничего не вижу.

— Ромаха, харэ статуей притворяться, опоздаем, сама же говорила, — толкаю её вперёд.

Та отходит, но глаза-блюдцы по-прежнему направлены куда-то вперёд. Следую за её взглядом и тоже зависаю.

Перед подъездной дорожкой стоит огромный чёрный внедорожник. Чёткие формы, плавные изгибы, матовое покрытие, затемнённые стёкла. Всё в нём кричит о дороговизне и статусе, совершенно неподходящие нашему району. Ему бы больше подошёл дорогой коттедж под боком, а не старенькая высотка, построенная в девяностых годах, с давно выцветшим фасадом.

Однако интересно…

— Как думаешь, к кому это чудо заграничной инженерии приехало? — шепчет подруга, едва шевеля губами.

— Понятия не имею, — отзываюсь так же тихо. — Может к Надьке с пятого?

— Да, на неё похоже. Хотя и слишком жирно.

Надька у нас из тех, кто, как говорится, ищет лёгкой богатой жизни. К ней часто приезжают мужчины на дорогих тачках. Но не на таких. Эта напоминает больше шедевр искусства, чем машину. И выглядит, будто только с конвейера.

Вот и Ромашка призадумывается сильнее.

— Нет, — постановляет итогом мыслей. — Слишком круто для нашей соседки. Может новые жильцы?

Смотрю на транспорт, на нашу старушку-многоэтажку и качаю головой.

— Вряд ли те, кто ездят на такой тачке, станут селиться в такую развалюху, — добавляю вслух.

— Ну да, — тянет подруга.

А вот я больше не тяну, толкаю её вперёд, заставляя отойти от подъезда.

— Мы опаздываем, — напоминаю попутно. — Если это новые жильцы, ещё не раз увидим, а если нет, то и фиг с ними. Постоят и уедут.

— Но всё же интересно, к кому приехали с таким шиком, — продолжает любоваться тачкой она, пока я толкаю её дальше из двора.

Лично мне вот не интересно. До приезда автобуса на нашу остановку остаётся меньше десяти минут, а нам ещё дойти до точки посадки надо. Так что беру Ромашку под руку и уже насильно тяну за собой.

К чёрту дорогие машины, когда учёба на кону!

Подруга тоже наконец об этом вспоминает, прибавляет в шаге. С которого мы сбиваемся, когда она тихо замечает:

— Кажется, она за нами едет.

Оборачиваюсь. И правда. Машина медленно движется по дороге следом за нами.

— Да просто тоже уезжает, — отмахиваюсь от её слов.

Какая разница, едет она или нет? Нам стоит поторопиться.

Вот только мы покидаем двор, сворачиваем в другой, срезая путь до остановки, а машина как ехала за нами, так и продолжает.

— Может Тамир? — щурится Ромашка, оглядываясь то и дело назад.

— Нафига ему за мной следить вот так?

Не то, чтоб он не мог. Семья Тамира довольно богата. Родители давно погибли, а вот брат владеет сетью грузоперевозок, если я правильно помню из его рассказов. Так что нанять кого-нибудь, чтобы следить за мной, он действительно мог при большом желании.

— Решил узнать, сделаешь ты аборт или нет? — предполагает подруга. — Или наоборот проследить, чтобы сделала…

По телу неприятная дрожь несётся.

А вдруг правда?

— Нет, вряд ли, — тут же отвечаю и себе, и Ромашке. — Он бы не прятался. Сразу бы наехал, а то и в машину уже затащил и повёз, куда ему надо.

— Может он тебя проверяет таким образом?

— Зачем?

— Ну мало ли.

Мы проходим ещё немного, прежде чем я всё-таки торможу, делая вид, что перешнуровываю ботинки. Машина тоже тормозит.

Значит и правда за нами следят.

Желание подойти и узнать напрямую обо всём сдерживаю усилием воли. Не хватало ещё на неприятности нарваться.

— Давай наперегонки через соседний двор, — предлагаю вместо этого.

Делаю это не просто так. И не потому, что опаздываем. Просто он закрытый и машина за нами последовать не сможет.

Ромашка мою мысль тоже улавливает, ухмыляется весело.

— Кто последний, тот готовит, — выдаёт и стартует с места.

Вот поганка!

Со смехом припускаю за ней следом. Машина следует за нами. Мы сворачиваем вправо. И она — тоже. Мы бежим через детскую площадку, срезая угол, машина прибавляет в скорости, пытаясь нагнать и не упустить нас из вида. Но тормозит на углу. Он перекрыт тяжёлыми монолитными блоками, мешая проезду.

Наш с Ромашкой смех становится громче. Подруга даже машет вышедшим из машины мужчинам.

— Покедова, лузеры! — кричит на прощание, посылая им воздушный поцелуй.

Сумасшедшая!

На автобус мы, естественно, опаздываем. Приходится запрыгивать в следующий первый попавшийся и пересаживаться на подходящий через пару остановок. Но на первую пару мы всё-таки успеваем. В последнюю минуту влетаем в аудиторию, с тем же смехом падая на свои места.

Фух!

Но всё же любопытно: кто же это всё-таки был?

В целом, кроме Тамира за мной следить больше некому. Да ещё на такой дорогущей тачке. Но для чего? И что предпримет, когда поймёт, что ни на какой аборт я не записалась и собираюсь рожать?

Вот же! Не было печали…

Сказала же, не надо мне от него ничего. Или боится, что в будущем запрошу? Говнюк надменный! Я ещё не до конца растеряла гордость, чтобы опускаться так низко и просить его о чём-то. Нафиг надо! Но, похоже, придётся опять с ним увидеться, чтобы прояснить всё. А я так надеялась, что больше никогда не надо будет пялиться на его наглую морду.

Ромашка мою идею поддерживает. Я делюсь ею с ней на обеде, в столовой. Здесь меньше шансов, что нас подслушают. Она даже решает составить мне компанию в этот раз на нашей с Тамиром встрече.

— Мало ли, что этот придурок решит сделать, когда узнает, что ты не хочешь делать аборт, — поясняет свой выбор.

А мне в голову приходит другая идея.

— А может мне сходить на приём к гинекологу для отвода глаз, а потом сказать ему, что сделала аборт? Может тогда он успокоится? — делюсь соображениями.

Вообще у гинеколога я была как раз вчера утром, чтобы подтвердить своё положение. А следующий приём должен состояться только когда будут готовы все результаты прописанных мне анализов, которые я пока ещё даже не начала сдавать. То есть не раньше следующей недели, а то и позже. Но ради такого можно и сейчас опять сходить. В качестве оправдания скажу, что потеряла квиточек на кровь, нужен новый.

Подруга призадумывается. Надолго. Молчит до тех пор, пока не доедает свой чизбургер. Я же больше ковыряюсь в своей тарелке с гречкой и котлетой, чем ем. Не лезет. Слишком нервничаю.

— А если он решит проверить и узнает правду? — спрашивает Ромашка по итогу.

Хм…

Тоже возможно, да.

— Капец он ненормальный, — вздыхаю.

— Да нет, как раз нормальный, — деловито поправляет меня она. — Сколько тех, кто тайно рожает от богатеев, а потом шантажирует их ребёнком, требуя денег? — берётся за стаканчик с кофе.

— Если он так считает, то зачем отпустил меня вчера со встречи? Мог сразу отвезти на аборт и не париться.

— Ну мало ли, вчера не подумал, а сегодня передумал, — усмехается Ромашка мрачно.

Теперь мне становится совсем не хорошо. Ладонь сама по себе ложится на живот в попытке защитить зародившуюся внутри жизнь.

— Он не посмеет, — отказываюсь в это верить.

— Он богатенький мальчик, привыкший повелевать и получать желаемое любым путём. Он на людей спорит, а принудить девушку на аборт ненужного ему ребёнка, думаешь, не посмеет? — смотрит подруга на меня совсем угрюмо.

Чёрт!

— И что тогда делать? — шепчу растерянно.

Я не хочу избавляться от ребёнка. Да, он от мудака, и я совсем не планировала его. Но он мой. И я хочу, чтобы он оставался со мной и дальше. Всегда.

— Думаю, тебе стоит всё сегодня же рассказать родителям. Не ждать выходных, — предлагает Ромашка.

— А если они его поддержат? — отворачиваюсь к окну.

Там холодно и хмуро, как у меня на душе, и неизвестно, что будет дальше.

— Тогда обратимся к моим за помощью. Они точно не откажутся поддержать. Ты же им как вторая дочь, — приободряет подруга.

— А если всё-таки и они воспротивятся?

Она и тут находит выход.

— Переедем, — сообщает безразличным тоном, будто мы не глобальные перемены в жизни обсуждаем, а цвет платья, которое наденем на следующий поход в клуб. — Мы на втором курсе, обе учимся достаточно хорошо, возьмём академ, переведёмся в другой универ, в другом городе, найдём подработку и будем все вместе жить в общежитии. В общем, прорвёмся.

— Ты сама сказала, у Тамира деньги и власть. Думаешь, он позволит провернуть нам нечто подобное? — смотрю на неё с сомнением.

Ромашка кривится, но на этот раз переубеждать не спешит. Делает долгий глоток кофе. Я же смотрю на свой чай и понимаю, что меня от него воротит. Вообще от всего. От переживаний в рот больше ничего не лезет, а съеденное просится обратно наружу.

— Тогда остаётся одно, — заявляет подруга через долгую паузу.

— Что?

На её пухлых губах расплывается милая улыбочка. Та самая, которая обычно заканчивается чьим-то разбитым сердцем.

— Мы пойдём к его брату! — сообщает она ласковым тоном.

— Чего? — выпучиваю глаза на неё. — Спятила?

— А почему нет? Сама посуди, нам нужно как-то сохранить ребёнка. Если с Тамиром не прокатит, и он продолжит настаивать на своём, то останется только этот вариант. Нам надо убедить его в том, что ты никогда-никогда в будущем не явишься к ним на порог, требуя обеспечить ребёнка деньгами. Напишешь расписку, или что там ещё потребуется. Договор? Покажешь ему свою лояльность…

— Нет! — перебиваю я её. — Ни за что! А если он не выпустит нас из своего дома просто-напросто? Если закинет в машину и так же насильно отвезёт на аборт?

— Хм… Об этом я не подумала, — морщится Ромашка. — Тогда не знаю, — сдаётся со вздохом.

Вот и я не знаю…

До конца учебного дня провожу, как на иголках. Все лекции проходят мимо сознания. Записываю их на автомате, не вникая. Всё пытаюсь придумать, как выкрутиться из сложив-

шейся ситуации. Как мне убедить Тамира не вмешиваться и оставить меня в покое? И что делать, если он откажется?..

Будь проклят тот день, когда я согласилась пойти с ним на свидание!

Не пошла бы, не страдала теперь так.

По итогу так и не придумываю ничего толкового, кроме того, чтобы обратиться за помощью к родителям. Надеюсь, они меня поддержат. А если нет… Тогда и решу, что делать дальше.

Или нет…

Ведь стоит нам с Ромашкой покинуть универ и подойти к дороге, как рядом тут же тормозит знакомый по утру внедорожник. Со стороны переднего пассажирского места открывается дверца и из неё наружу выбирается крупный бритый мужчина в костюме.

— Альбина Мансуровна, будьте добры проехать с нами, пожалуйста, — сообщает грубым басом.

Его слова сопровождает открытая задняя дверца.

Переглядываюсь с Ромашкой, после чего мы синхронно отступаем от незнакомца на шаг.

— Спасибо, мы как-нибудь сами доберёмся до дома, — сообщает подруга.

— Альбина Мансуровна, наш босс дал нам чёткие указания доставить вас к нему любыми способами. В том числе и в багажнике, если вы вдруг откажетесь сотрудничать, — спокойно произносит мужчина, игнорируя слова Ромашки.

Смотрю на него в шоке. Кошусь на проходящих мимо студентов, раздумывая, сколько из них откликнется на призыв о помощи, если закричать. После слов про багажник, это особенно остро тянет совершить. Жуткие типы. И босс их такой же, раз они на него работают. А значит, мне точно не о чем с ним разговаривать.

— Спасибо, что предупредили, но я всё-таки, пожалуй, откажусь, — выдавливаю из себя милую улыбку. — Если вашему боссу так надо со мной пообщаться, пусть самолично назначает встречу, желательно в более подходящем месте, куда не надо будет добираться таким неудобным способом.

Ловлю на себе взволнованный взгляд Ромашки и улыбаюсь шире.

И сама не знаю, откуда во мне берётся эта смелость, когда внутри всё натянуто от страха.

Ну, Тамир! Попадись мне только на глаза. Выцарапаю их ему. Чтобы больше не пугал так беременную девушку.

А пока…

Пока я бегу. Рядом, тяжело дыша, несётся Ромашка. Мы с ней стартуем, не сговариваясь. Точно уверенные друг в друге. Несёмся в противоположную дорожному движению сторону. Чтоб нас не могли догнать на машине.

Впрочем, мужчина и не гонится. Даже вслед нам не смотрит. Кому-то звонит. А мы продолжаем бежать, пока не достигаем остановки, возле которой тормозит автобус. Влетаем в него, даже не посмотрев на номер. Плевать, куда он следует, лишь бы подальше от преследователей.

— Да что за фигня? — с хрипом выдыхает Ромашка, падая на пустующее кресло. — Они теперь везде за нами ездить будут?

— Понятия не имею, — признаюсь честно, усаживаясь рядом.

Тоже тяжело дышу, после внепланового спринта.

— Да это теперь и в магазин не выйти, получается?

— Скажи спасибо, что домой не запёрлись, — ворчу.

И тут же в ужасе смотрю на Ромашку. У той вид не лучше. Ей в голову пришла та же самая мысль. Они вполне могут заявиться и в квартиру, грубой силой утащить, куда им надо.

— К родителям, — произносим мы хором.

Так же синхронно киваем друг другу, соглашаясь со сделанными выводами.

Нет, есть конечно ещё вариант реально встретиться с Тамиром, но я не решаюсь. Ну нафиг! А вот гневное сообщение ему направляю.

“Хватит меня преследовать. Я всё равно не сделаю аборт”.

А ответом становится короткое:

“Ну и дура”.

То есть эти два бугая реально от него...

Показываю переписку Ромашке, и она смачно ругается.

— Придурок ненормальный! — единственное, что слышно от неё из приличного.

Вздыхаю.

— Как думаешь, они вернутся? — интересуюсь, крепко сжимая в руках телефон.

— Если вернутся, устроим им аварию, — мрачно цедит подруга. — Раз перекрытая дорога их ничему не учит, пусть другие водители помогут. А там и полиция вмешается.

Натянуто улыбаюсь и беру её за руку.

Не думала, что всё дойдёт до такого. Но очень рада, что она рядом. Что она вообще у меня есть.

Автобус увозит нас в другую от нужной сторону, поэтому через несколько остановок приходится пересаживаться. Для этого надо перейти дорогу. И за те минуты, что мы стоим на светофоре, а потом бежим до остановки, я вконец вся извожусь на нервы. Но на нашу радость той машины больше не видно. Но мы всё равно направляемся к родителям.

К моменту, как достигаем пункта назначения, на улице начинает идти дождь. Так как мы с утра проспали и собирались впопыхах, ни одна из нас не подумала захватить зонт, поэтому от остановки до дома родителей приходится опять бежать.

Какой-то чертовски невезучий сегодня день…

Но самое худшее во всём не это.

Стоит подбежать к подъезду, как рядом тормозит знакомый внедорожник, и на этот раз меня без слов затаскивают в его нутро. Я и пикнуть не успеваю против, как оказываюсь сидящей в тёплом салоне, глядя через затемнённое стекло на размахивающую руками Ромашку. Слышу её приглушённые крики и стук по корпусу авто. С ужасом слежу, как отдаляется её силуэт, когда авто сразу же стартует с места, увозя меня прочь от дома. А потом с гневом оборачиваюсь, чтобы высказать своим похитителям всего и побольше. Да так ничего и не произношу, столкнувшись с чёрными глазами моего вчерашнего незнакомца-грубияна.

То есть это всё-таки не Тамир…

В мыслях тут же проносится воспоминание о нашем с моим похитителем столкновении у кофейни и его словах о новой встрече, которые я приняла за простое издевательство. А получается, что это ни разу не оно было.

Внутри прогорклый ком образуется. По рецепторам бьёт аромат дорогой кожи салона, сигарет, дождя и чего-то неуловимо цитрусового. Всё вместе это образует невероятное сочетание запаха, от которого дышать трудно становится. Пульс зашкаливает.

Вот правда, лучше бы это был Тамир…

С ним хотя бы всё ясно и знаешь, чего ждать.

Ох, надеюсь, Ромашка додумается позвонить в полицию.

Пока же я, нервно сглотнув, делаю вид, что всё в порядке и ничего страшного не происходит. Собираюсь даже спросить о причине нашей новой встречи. Но так ничего и не произношу. Вся моя бравада рассыпается прахом в момент, когда мужчина вдруг подаётся вперёд.

— Ну вот мы и встретились снова… Аля.

Глава 3

Эмиль

Она дрожит так тонко, что этот мелкий вибрирующий стук слышен даже сквозь шум дождя и мотор, будто кто-то проводит влажным пальцем по натянутой струне. Её дрожь — не истерика, не паника в чистом виде. Скорее попытка удержать равновесие, когда земля под ногами пошла трещинами. Вся мокрая, будто вытащенная из проливного ливня рукой самой Лунной. Капли скатываются по ресницам, по щекам, по линии тонкой шеи, стекают по красной парке, превращая её в оболочку, блестящую как лак на фарфоровой кукле. Волосы потяжелели от влаги, прилипли к вискам и шее. И как же хочется коснуться, убрать, притянуть к себе. Щёки вспыхивают румянцем — неравномерно, пятнами. То ли холод так бьёт. То ли страх. То ли всё сразу.

И запах…

Лунная! Её запах — это пытка.

Сладкий. Чистый. Девичий. Как фруктовые леденцы — те, что прилипают к языку и ещё долго отдают сладостью. Тёплый, мягко тягучий. Запах, от которого ломит пальцы. Настолько сильно хочется вцепиться.

В волосы.

В талию.

В горло.

Неважно куда — просто в неё.

Но под ним — под этим нежным, девчачьим ароматом, есть ещё один слой. Не запах даже. След. Отголосок. Как будто на неё кто-то положил руку, оставив отпечаток на уровне, который чувствуют только такие, как я.

И я знаю, чёрт меня забери, знаю, чей это след.

Родовой.

Мой.

Но не мой.

Тамира.

Не физический запах — его нет. Она чистая до последней капли — дождь смыл всё, что могло бы быть на её коже. Но след крови, след рода, он сидит на ней, как царапина на стекле. И зверь её чувствует сразу. Оскорбительно ясно.

И меня от этого практически выворачивает…

Потому что это *моё*, а пахнет *его*.

Как пощёчина.

Как рваная рана.

Как ножом по хребту.

Ублюдок.

Братец.

Вечный раздолбай, которому мало шлюх, мало приключений, мало головняка — теперь полез туда, куда вообще не должен был. Но даже это не бесит так сильно, как то, насколько я хочу её сейчас, несмотря ни на что. Несмотря на след брата, несмотря на весь этот бардак, несмотря на здравый смысл. Хочу настолько интенсивно, что меня почти трясёт от того как в грудной клетке бьётся зверь, которому слишком тесно в моём человеческом телесном мешке.

Машина дёргается с места резким рывком, оставляя на улице её подружку — мокрую, визжащую, бессильную. Она машет руками, кричит что-то вслед, но звук тонет в рёве двигателя. А подружка быстро исчезает в темноте, будто и не существовала. Зато моя добыча — здесь. В закрытом пространстве салона, в полумраке, в запахе кожи, бензина и меня. На заднем

сиденье. Маленькая. Напуганная. Но смотрит прямо. Ставит подбородок так, будто пытается удержать остатки достоинства.

— Ну вот мы и встретились снова… Аля, — произношу тихо, позволяя её имени скользнуть по языку медленно, почти ласково.

Она поднимает голову и моментально бледнеет. Узнаёт. Секунда, и всё написано на лице. Я тоже помню. Особенно дверь, прилетевшую мне в рожу. Её огромные испуганные глаза. Её паническое: *“Божечки, простите меня, пожалуйста…”* Тогда мой зверь впервые рванулся так, что я чуть не потерял контроль. Он узнал её первым — раньше, чем мозг успел обозначить “девушка”, “случайно ударила”, “не опасно”.

— Это… вы, — шепчет она. — Тот… в кофейне…

— Я.

Она вжимается в дверь так сильно, будто надеется слиться с машиной.

— Не приближайтесь…

Голос — тонкий, испуганный, но упрямый. И Лунная, как же красиво у неё дрожит подбородок, пока она пытается держаться.

Что ж, не стану разочаровывать. Ни её. Ни себя.

Я двигаюсь медленно, спокойно, но её паника нарастает мгновенно. Девушка упирается мне ладонями в грудь.

И какие же маленькие, тёплые, по-прежнему дрожащие у неё руки…

Лёгкие, почти невесомые, но от их прикосновения на коже вспыхивает жар, будто она положила на меня раскалённый металл. Зверь внутри снова рвётся наружу, скребётся когтями, требует перестать медлить, взять, прижать, утащить, закрыть от всего, окончательно присвоить и никогда не отпускать.

— Не… трогайте меня…

Её хриплый, сорванный голос проводит по моему позвоночнику линию огня. Я наклоняюсь ближе, и она полностью замирает. Без движения. Только расширенные глаза, дыхание, сбившееся в короткие толчки, и дрожащие губы.

Она невероятная.

У неё тонкая, светлая кожа. Румянец, разлившийся по скулам. Курносый нос, покрасневший от холода. Губы — тёплые, мягкие, сочные. Губы, которые хочется прикусить, ощутить на вкус. Которыми хочется заставить её стонать в голос. Громко. Долго. Но я не имею права. Пока.

— Что вы… делаете?.. — выдыхает Аля.

— Пристёгиваю, — отвечаю ровно.

Провожу ремень через её грудь. Она снова замирает. Думает, что я лезу к ней. Что похищение — для чего-то такого, которое в дешёвых кошмарах показывают. Её страх пахнет горячо, пряно, сладко. И это тоже сводит с ума. Зверь внутри рычит так, что я мысленно шиплю на него: “*Потерпи, сука”.*

Щёлк. Ремень фиксирует её на месте.

Девушка растерянно моргает.

— Я… подумала…

— Я знаю, что ты подумала, — отзываюсь. — Но если бы я реально собирался залезть тебе под юбку, то уже бы залез. Или уложил к себе на колени.

Она вспыхивает так резко, будто кто-то ударил горячим железом. Щёки полыхают, шея краснеет, даже кончики ушей становятся розовыми. И от этого по мне проходит такой удар усиливающегося желания, что я едва держусь. Маленькая, мокрая, дрожащая, и всё равно такая гордая. Такая живая, что даже холодное стекло рядом с её кожей нагревается.

Бля, я свихнусь!..

— Кто… вы? — спрашивает Аля.

Тихо. Осторожно. Как будто каждое слово может что-то во мне сломать.

В какой-то степени так и есть…

До чего же она охуенная…

Длинные ресницы. Аккуратная линия челюсти. Тонкая шея, где пульс скачет так бешено, что я его слышу громче всего, пока опять и опять, как помешанный вдыхаю её сладкий умопомрачительный запах, от которого ещё немного, и захочется выть.

Ну а вслух:

— Меня зовут Эмиль. Я — старший брат Тамира.

Аля словно застывает. Лицо меняется мгновенно: страх, обида, недоверие. И то, что она скрывает, но я всё равно чувствую. Боль.

Сука, как будто нож под рёбра…

— Тогда… вы… тоже хотите… чтобы я… — она сглатывает. — …сделала аборт?

У меня темнеет в глазах. Если бы тут был Тамир, я бы перегрыз ему глотку.

— Нет, — выдыхаю сквозь зубы.

Она моргает, как будто пытается услышать ещё раз.

— Нет?.. — не верит.

— Нет, — повторяю.

Грубее. Жёстче. Чтобы дошло до самой глубины. Хотя до неё и тогда не сразу доходит. Аля кусает нижнюю губу — нервно, судорожно. Смотрит на меня украдкой, как на хищника, который может сорваться. И правильно смотрит. Я действительно могу. Я ведь на грани ещё с того момента, как впервые увидел её и вдохнул сводящий с ума запах.

— Тогда… что вы хотите?

Она не понимает. Она не может понять. Она и не должна понимать. По крайней мере, пока я сам не скажу.

Ответ прост. Единственный.

— Хочу, чтобы ты родила своего сына.

Аля медленно моргает, словно слова проходят через густую, вязкую тишину.

— Р-родила? С-сына?.. — округляет глаза, смотрит на меня, как на Второе пришествие. — Почему сына? Может… это девочка?

— Нет. Мальчик. Я чую.

Она нервно фыркает, пытаясь спрятаться за этим звуком. Но не спорит. Не понимает, что этим фырканьем только сильнее будит зверя во мне. Того самого, который уже считает её своей.

Наш род. Наша кровь. Наша, сука, судьба.

Зверь внутри довольно щурится, как на добычу, которую уже можно забирать.

Но ей я этого не говорю.

Пока.

— Допустим, — медленно, тщательно подбирая каждое слово, произносит она. — Вы хотите, чтобы ребёнок родился. Но зачем… — голос становится чуть громче, но в нём всё равно отчётливо слышна уязвимость. — Зачем вы меня похитили? Вы хоть понимаете, как это выглядит? Я беременная! Мне нельзя волноваться!

Она злится.

Дрожит.

Но злится.

И от этого только красивее.

Сильнее.

Ярче.

Она — беременная, испуганная, мокрая, в каплях дождя, но орёт на меня. На альфу. В закрытой машине.

Она.

На меня.

Орёт.

Вся моя стая уже стояла бы на коленях, не выдерживая давления и тяжести силы ауры зверя. А она смотрит так, будто сейчас запустит мне в лицо очередной дверью.

— Так было быстрее, — отвечаю спокойно, почти лениво.

Хотя внутри — сплошь буря, сталь, беснующийся зверь.

— Быстрее?!

— Ты бы убежала. *Опять.*

Она открывает рот — спорить, но ни звука так и не произносит. Вероятнее всего, потому что знает: реально убежала бы. И далеко. А я бы носился по всему городу, ловя её след, выслеживая каждую тень.

— И что дальше?

— Будешь жить со мной.

— Вы хотите, чтобы я теперь… жила у вас?! Из-за ребёнка?!

— Да. Именно так, — вру без малейшего зазрения совести.

— Я НЕ СОГЛАШАЮСЬ!

— Твоё согласие не требуется.

Она бледнеет. Взгляд мечется. В пол. В окно. В никуда. Её дыхание сбивается в маленькие болезненные вздохи.

— Я хочу домой… *Мне надо домой…*Меня будут искать, между прочим!

В голосе — просьба. Мольба. Надломленный страх.

А у меня всё внутри рвётся пополам.

— Нет, — собственный голос становится низким, хриплым, плотным. Там уже зверь говорит вместе со мной. — Я же сказал, теперь ты живёшь со мной.

— Почему?! — смотрит на меня округлившимися глазами.

Я тоже смотрю. На неё. На дрожащие пальцы, на тонкую шею, на пульс, что до сих пор скачет под кожей, как пойманная птица. На запах сладкого и горячего страха. На жизнь внутри неё — мощную, враждебную её телу, слишком сильную для обычного человека. На то, что уже сейчас жрёт её изнутри, не давая ей ни единого шанса выжить без меня.

И знаю правду.

Знает её и Тамир.

Наш разговор об этом с братцем до сих пор стоит у меня в голове, как застрявшая ржавая железяка, от которой начинается заражение крови.

После первой встречи с Алей я нашёл его за барной стойкой. Он сидел там, развалившись, как вечный пофигист, которому жизнь должна по умолчанию. Лайки в телефоне ему были важнее любой реальности. Он даже не поднял головы, когда я подошёл — только фыркнул:

— Чё, братан, такой злой? От тебя за версту несёт смертью.

Ему даже в голову не пришло, что он стал причиной того, что зверь внутри меня был готов вот-вот сорваться.

— Ты, — я поставил ладонь на стойку так, что стаканы аж подпрыгнули. — Ты нахуя это сделал?

Он оторвал взгляд от телефона, приподнял бровь.

И всё.

— Девчонка в красной парке. Миниатюрная. Ладная. С зелёными глазами, — выплюнул последнее слово так, будто оно горело. — Она беременна, долбоёб.

Он моргнул один раз.

И… пожал плечами.

— И? Я ей сказал уже, чтоб аборт сделала. Где проблема-то?

У меня в висках стукнуло так, что я подумал — сейчас кровь пойдёт.

— Проблема, — процедил я, — в том, что это запрещено Советом. Ты, блять, слышал когда-нибудь слово “запрещено”? Или твой мозг уехал в отпуск без тебя?

Он фыркнул.

ФЫРКНУЛ.

— Да кому какое дело? Она человек. Скажу, что сам не знал. Всё, спишут.

Вот тогда я его схватил за шкурку.

Так, что чуть кости не хрустнули.

— Если она умрёт, — сказал тихо, медленно, выплёвывая каждое слово, как укус, — тебя казнят. Не оштрафуют. Не отчитают. Казнят, Тамир. Публично. Жёстко. Так, что я твои кости потом по всему двору собирать буду.

Он побледнел не потому, что испугался — нет. А потому, что, наконец, понял, что меня лучше слушать. Но даже тогда, даже с угрозой смерти, он остался тем же раздолбаем.

Усмехнулся.

Фыркнул. ***Опять.***

Пожал плечами.

— Хуй с ними. Пусть делает аборт, да и всё. Отъебутся.

Ещё никогда за последние двадцать лет я не хотел так сильно его прибить. Свернуть ему шею. Сломать хребет. Чисто. Бесшумно. Навсегда.

Чтобы наша стая наконец избавилась от своего слабого звена.

Но нельзя.

Кровь есть кровь.

А значит… вся эта ебучая ответственность ложилась на меня. И на неё. На маленькую хрупкую зеленоглазую девочку, в присутствии которой я и сам едва ли адекватно соображал, ведомый первобытным инстинктом.

“Потому что ты умрёшь…” — проносится в моей голове, пока я смотрю на неё, возвращаясь мыслями в прошлый день, думая о младшем брате.

“Потому что этот плод слишком сильный…” — проглатываю в своих мыслях и стараюсь не думать о том, что будет, когда этот момент реально наступит.

“Потому что я не позволю тебе исчезнуть…” — успокаиваю сам себя.

“Потому что ты моя…” — дарю сладкую пилюлю и зверю.

“Потому что я переверну весь город к чёртовой матери, а если понадобится, то и весь мир, лишь бы сохранить тебя живой…” — заканчиваю вердиктом.

А вот вслух я произношу только одно:

— Потому что так надо.

После моих слов в салоне становится очень тихо. Настолько, что слышно, как капли дождя ударяются о крышу, стекают по стеклу и разбиваются где-то внизу, под днищем машины. Аля смотрит на меня ещё пару секунд, потом будто обрывает этот контакт, отворачивается к окну. Прижимается лбом к стеклу, сжимает ремень так, что белеют костяшки пальцев. Делает глубокий вдох. Ещё один. Пытается успокоиться.

Не получается.

Я чувствую, как у неё поднимается и опускается грудь. Как сбивает дыхание. Как она изо всех сил старается не заплакать при мне. Зверь внутри довольно рычит — сильная. Держится. Не сдалась.

Мы выезжаем из плотного жилого квартала. Дальше город начинает редеть. Светофоры, потоки машин, витрины, лужи, отражающие огни. Она смотрит на всё это так, будто видит в последний раз. В какой-то момент почти неслышно шепчет:

— Я всё равно не останусь у вас жить.

Я слышу. Она думает, что нет — но я слышу каждое её слово, каждый вздох. Молчу минуту. Вторую. Третью. Потом говорю, не глядя в зеркало:

— Правила простые. Ты живёшь у меня. Столько, сколько нужно.

Она резко отрывается от окна.

— Столько, сколько нужно — это сколько? — голос всё ещё дрожит, но в нём уже больше злости, чем страха.

— Пока беременна. Потом посмотрим.

— Потом посмотрим?! — она почти визжит, но тут же глотает звук, обхватывает себя руками поверх ремня, сжимается в комок. — Вы вообще слышите себя? Вы меня похитили. Я должна сейчас кричать, драться, вызывать полицию, а вы… «потом посмотрим»…

— Со мной ты в безопасности, — говорю спокойно. — У тебя будет всё, что нужно. Отдельная комната. Врачи. Лучшее медицинское наблюдение. Питание, отдых. Шмотки. Учёбу можно перевести на дистанционку, с этим помогу. Телефон не отбираю. Интернет будет. Связь с подругой тоже.

— А с родителями? — спрашивает сразу.

Цепляется за любую лазейку.

— С родителями тоже, — соглашаюсь. — Но по моим правилам.

— То есть будете стоять над душой и слушать, чем я с ними делюсь? — язвит.

— Если понадобится — да.

Она ошарашенно смеётся. Коротко, нервно.

— Охренеть. Просто… охренеть.

Я не спорю. Ей правда сейчас есть от чего охреневать.

— С Тамиром не общаешься, — добавляю, когда город окончательно остаётся позади и трасса вытягивается длинной ленточкой в темноту. — Ни по каким каналам. Ни сама, ни через кого.

Она вскидывается.

— И не собиралась! — бросает резко.

Хочется усмехнуться. Но я не делаю этого. Мы какое-то время едем молча. Фары выхватывают столбы, редкие машины, мокрый асфальт. В салоне тепло. Она постепенно перестаёт дрожать так заметно, но руки всё равно остаются сжатыми в кулаки. И только потом, когда на горизонте за оградой начинают мелькать редкие коттеджи и заборы, она выдыхает:

— И что, мне теперь до конца своих дней с вами жить, что ли, из-за ребёнка? Что за глупость?

Сказано с вызовом. Но под этим слышу другое: страшно. Ей страшно, что её жизнь закончилась там, у отчего дома. Что впереди — туман, чужой дом и мужчина, который легко сказал: *«Твоё согласие не требуется»*.

— До конца дней никто не говорил, — напоминаю, хотя она и не верит. — Но пока ты носишь моего… — запинаюсь на долю секунды, исправляюсь: — Ребёнка моего рода — да, живёшь у меня.

Она цепляется за заминку.

— Вашего… чего? — прищуривается. — Вы же сами сказали, что это сын *Тамира*. Что вы старший брат. В чём вообще логика? Вы что, там все больные на голову в своём семействе?

Я усмехаюсь уже почти вслух.

Честная, блять.

— Логика в том, что он ничего не сможет тебе дать, кроме проблем, — бросаю.

— А поконкретнее? — ехидничает Аля.

Я не отвечаю. Потому что любое объяснение сейчас будет либо ложью, либо слишком большой правдой. А она и так с трудом держится, отчаянно цепляясь ладошками за ремень безопасности.

Дом появляется из темноты не сразу. Сначала появляется высокая каменная ограда, ровная, как по линейке. Потом массивные кованые ворота. Камеры. Сторожка. Лёгкая смена

запахов в воздухе — мои люди. Запах стаи: металл, оружие, следы чужого зверя, уважение и страх, смешанные в одну плотную вязкую смесь. Аля вытягивается вперёд, насколько позволяет ремень, и таращится на всё это вытаращенными глазами.

— Божечки мои… — вырывается у неё тихо.

Ворота закрываются за машиной тяжело, с глухим щелчком. Во дворе — ровная плитка, приглушённая подсветка вдоль дорожек, чёрные силуэты машин. Дом — трёхэтажный, с мансардой, с широкими ступенями и высокими окнами. Никаких башен, никакого показного глянца — просто много камня, стекла и силы. Не той, что в мрамор вдавлена, а той, которая внутри стен живёт.

— Вы что, олигарх-мафиози какой-нибудь? — выдыхает она.

— Нет, — отрицаю с очередной усмешкой.

Она смотрит так, будто пытается примерить на себя эту роскошь. На свою красную парку, мокрые волосы, сбившиеся в косу, на простые сапоги. В голове у неё сейчас, скорее всего, каша: богатый психопат, плюс беременность, плюс похищение, плюс мини-дворец в пригороде. Отличный коктейль для нервного срыва.

Как только машина тормозит, выхожу первым, открываю заднюю дверь, подаю ей руку. Она смотрит на неё так, словно я предлагаю проткнуться о нож, но всё-таки выбирается из машины. Нога соскальзывает на мокрой плитке, и она едва не летит вперёд — ловлю за локоть, притягиваю к себе. Всего на секунду. Хватает, чтобы внутри всё рвануло.

Тёплая. Хрупкая. Живая.

Отпускаю.

— Пойдём.

Внутри дом встречает нас сухим теплом и запахом дерева. Пол — тёмный, матовый. Стены — светлые. Никаких позолоченных завитков, только чёткие линии, мягкий свет, плавные тени. Большой холл, лестница наверх, несколько коридоров. Она вертит головой, пытаясь одновременно всё увидеть и ничего не упустить.

— Я здесь не останусь, — шепчет. — Сразу говорю. Не надейтесь.

— Уже остаёшься, — бросаю.

Она сжимает губы в тонкую линию.

Конечно, не сдаётся.

Я веду её по лестнице наверх. На втором этаже — длинный коридор, двери по обе стороны. Останавливаюсь у одной из них, открываю.

Комната светлая, просторная. Специально для неё подготовленная за прошедшие сутки. Большая кровать, шкаф, кресло у окна, письменный стол. Тёплый ковёр на полу. Никаких решёток, никаких цепей — обычная человеческая спальня, только лучше, чем у средней девчонки-студентки. Окно выходит в сад — кусты, дорожки, фонари, тёмные кроны деревьев. Тихо.

— Здесь будешь жить, — говорю. — Ванная — через стену. Одежду привезут. Если нужна какая-то конкретная — скажешь.

Она застывает на пороге, будто перед клеткой.

— То есть вы меня реально… — ладонь нервно ёрзает по косяку двери. — Поселили? Как какую-нибудь собаку со двора? Без вопросов, без выбора?

— Ты не собака, — хмурюсь. — Собак я в дом не пускаю.

Она на секунду теряется от такого ответа, потом сжимает кулаки.

— Мне нужно к родителям, — говорит глухо. — Мне нужно им всё рассказать. Они с ума сойдут, если я просто исчезну.

— Позвонишь им завтра, — отвечаю. — Сегодня ты остаёшься здесь. Тебе нужен отдых. Стресс тебе вреден.

— А похищение мне, по-вашему, полезно?! — взрывается она.

Улыбаюсь краем губ.

Вот это моя девочка!

— Уже случилось, — вопреки собственным мыслям, отрезаю сухо. — На этом этапе важнее, чтобы ты не сорвалась. Хочешь — кричи, бей подушки, ломай мебель. Но из дома ты не выйдешь.

— Это незаконно, вы в курсе?! — шипит.

— В курсе, — киваю. — Но мне плевать.

Она смотрит какое-то время, потом отворачивается так резко, что волосы взлетают.

— Ненормальный, — шепчет.

Слышно всё равно.

Я оставляю её в комнате — с её злостью, страхом и попытками понять, что делать дальше. Закрываю дверь мягко, без щелчка. Замок не активирую. Пока. Пусть привыкнет к пространству. Пусть осмотрится. Чуть дальше по коридору за неприметной дверью — та самая комната, куда я её пока не поведу: аппараты, мониторы, капельницы, отдельная кровать, кислород, всё, что может понадобиться, если её тело начнёт сдаваться под напором плода. Я открываю её только, чтобы проверить: всё на месте, всё готово. Запах стерильности — неприятный, холодный. Закрываю обратно.

Потом спускаюсь вниз.

Кухня. Гостиная. Барная стойка. Наливаю себе что-то крепкое, делаю глоток. Жжёт горло, но толком не успокаивает. Мысли всё равно возвращаются к ней: как она дрожала в машине, как смотрела на дом, как шипела, что ненормальный. Как пахнет. Как внутри неё двигается чужая сила, от которой я не могу отвести ни звериный, ни человеческий взгляд.

Телефон вибрирует — сообщение от охраны: «У ворот полиция».

Ухмыляюсь.

Инициативная и расторопная подружка у Али. Я почти оценил.

Ставлю стакан, иду в холл. Открываю одну из боковых дверей, выхожу на закрытую галерею, ведущую к воротам. Охранник уже ждёт, из тьмы начинают проступать два силуэта — двое в форме, мокрые, усталые. У обоих на лицах один и тот же выраженный «нам пиздец, но по инструкции надо».

— Вечер добрый, — говорю спокойно.

— Добрый… — старший по званию косится то на меня, то на дом за спиной, явно соображая, куда сунулся. — Извините, Эмиль Равилевич, протокол.

Отчество звучит так, будто у него язык спотыкается. Хорошо. Значит, люди уже пробили, к кому едут.

— Слушаю, — киваю.

— Поступило заявление, — мент мнётся, достаёт из папки бумагу, но показывает её больше себе, чем мне. — О похищении. Девушка… э… Альбина Мансуровна Сабурова. Свидетель указывает номер автомобиля, марку, цвет. Всё совпадает с вашим авто.

Говорит, а сам взгляд отводит. Спина прогибается под моим спокойствием. Зверь во мне только чуть-чуть приподнимает голову — достаточно, чтобы воздух вокруг стал плотнее.

— Свидетель, — обозначаю. — Светленькая, с глазами-пуговицами?

Он удивляется.

— Э… Подруга потерпевшей.

Я усмехаюсь.

— Ревёт до сих пор?

— Немного… нервничает, — осторожно формулирует он.

— Понятно, — облокачиваюсь на столб, смотрю прямо. — Девушка у меня. Жива. Цела. Врач уже в курсе её состояния, и, поверьте, где угодно ещё ей сейчас находиться намного опаснее.

— Мы… должны убедиться, — пытается возразить он.

Очень вяло.

— Не должны, — спокойно поправляю. — По протоколу — да, по факту — нет. У вас есть отметка о моём статусе?

Он сглатывает.

— Да, — честно отвечает.

Вот и хорошо. Значит, понимают, куда приехали.

— Тогда сделаем так, — предлагаю. — Вы фиксируете, что по указанному адресу девушка реально находится, она жива и ей ничего не угрожает. Остальное — через адвоката. Завтра получите все бумаги. Сегодня беременную таскать по дождю я вам не дам. С этим понятно?

Он колеблется. Младший рядом уже почти забился в калитку, стараясь не дышать громко — зверь давит, гнёт атмосферу.

— Мы… хотя бы издалека… — старший делает последнюю попытку выглядеть служителем закона. — Увидеть, что она… ну… в порядке.

Я злюсь меньше, чем мог бы. Они выполняют свою работу. Не они похищали девочку. Не они трахали людей, нарушая закон Совета оборотней.

— Минуту, — бросаю.

Разворачиваюсь, иду к дому. На ходу набираю охрану, говорю, чтобы полицейских отвели в сад. Поднимаюсь. Стучу в её комнату.

— Да? — настороженно откликается она изнутри.

— Полиция, — коротко поясняю. — Твоя подруга постаралась.

— Они… заберут меня? — мгновенно меняет тон, в голосе режется радость.

Вот только радоваться ей недолго.

— Нет, — отрезаю. — Но могут убедиться, что ты жива. Для твоей подруги. Чтоб ей спокойнее стало. Подойдёшь к окну и помашешь им рукой, ладно?

— Вы издеваетесь?!

Глава 4

Альбина

Я осматриваю комнату, в которой оказалась по какому-то нелепому недоразумению судьбы, и никак не могу поверить в то, что всё происходящее — оно наяву. Меня действительно похитили, привезли в огромный особняк за городом и заставляют жить в нём.

Это же в самом деле безумие какое-то!

Вокруг роскошь массивной мебели переплетается с простотой обстановки. Пахнет дорогой новизной и чем-то сладким, фруктовым. На огромной кровати аж четыре мягкие подушки: две побольше и две поменьше. Наволочки с рюшами. Светлые, молочного оттенка, как лежащий на краю тёмного покрывала плед и ковёр на полу. Мне даже смотреть на всё это великолепие страшно. Я вся мокрая, грязная, в ботинках на высокой тракторной подошве — чувствую себя не у дел среди всего этого великолепия. У окна стол. На него я и смотрю, раздумывая над тем, а не сошла ли я с ума на фоне стресса от новости о беременности. Нет, ну мало ли?

Да и то, что происходит дальше, выглядит за гранью разумного.

Ромашка вызвала полицию, а этот Эмиль предлагает мне им ручкой из окна помахать, чтобы её успокоить.

Ненормальный!

А на моё заявление и вовсе отвечает идиотское:

— Это лучше, чем таскаться по двору и объяснять им, почему ты мокрая, беременная и на грани нервного срыва, — замолкает на мгновение, после чего добавляет бескомпромиссным тоном: — Две минуты, и обратно в постель.

И что, реально ждёт, что я его послушаюсь?!

Ага, счаз!

Да и на грани нервного срыва я, между прочим, как раз из-за него, если уж на то пошло. Специально довёл, иначе бы изначально повёл себя как нормальный человек. Подошёл и спокойно всё объяснил, а не посылал за мной своих бугаев, а потом сам же в машину затаскивал.

Вот как, по его мнению, я должна вести себя теперь?

И раз ему так хочется видеть меня своей заложницей, то, так и быть, я побуду ею. Но только пусть потом не говорит, что не этого желал.

Шумно выдохнув, я чеканным шагом иду к окну. Не разуваюсь. Намеренно. Хотя внутри всё корёжит от грязных следов на светлом ковре. Но я задвигаю этот факт глубже в разум. Мне сейчас надо думать о том, как повернуть ситуацию в свою пользу, а не о чистоте комнаты.

Забравшись на стол, открываю створки. Нет, не для того, чтобы вылезти в окно. Я ещё не совсем свихнулась, чтобы сигать со второго этажа, да ещё будучи в положении, да в разгар ливня. Но это не значит, что я не могу насолить мужику иначе. Тем более, если есть перед кем.

— Эй! Я здесь! Дяденьки полицейские! — машу руками, привлекая к себе внимание полицейских всеми доступными способами. — Спасите! Меня здесь держат насильно! Я хочу домой! Помогите! Пожалуйста! Я здесь! Я хочу домой! Заберите меня отсюда!

Ору как не в себя. На меня смотрят не только пришедшие полицейские, но и рабочие этого места. Правда если первые пребывают в откровенном замешательстве, то на лицах вторых ни единой эмоции не проявляется. Им абсолютно всё равно на происходящее. Продажные людишки!

Ко всему прочему за спиной хлопает дверь. Слышатся тяжёлые шаги. А как только мой похититель подходит ближе, я ору в окно ещё громче:

— Помогите! Насилуют!

И всё это под попытку стащить меня со стола.

Цепляюсь руками за раму, пинаю мужчину в ответ. Чтобы отпустил. Но он сильный. Даже слишком. Почти играючи подтягивает меня к себе, игнорируя все мои попытки ударить его. Один раз почти выходит, но он перехватывает руки, заводя мне за спину, притягивает ближе к себе. И я запоздало осознаю, что в своей борьбе попала в ловушку его объятий. Но и это не самое худшее. Пока он тянется вперёд, чтобы закрыть открытое окно, я понимаю, что тоже его обнимаю. Ногами!

Конечно, тут же спешу их расцепить, но менее провокационной наша поза не становится. Щёки удушливым стыдом вспыхивают. И страхом. Мы наедине, у него дома, я беззащитна, и он может делать со мной, что хочет. Тем более что он в самом деле хочет. Его желание слишком большое и твёрдое в своей уверенности, чтобы проигнорировать. От понимания этого в лёгких воздух заканчивается.

— Вы…

— Продует. Простынешь, — перебивает он меня с прежним равнодушием.

Но под всем этим налётом я отмечаю напряжение. Пальцы на моих запястьях у меня за спиной сжимаются крепче. Дышит мужчина тоже тяжелее. Я так вовсе больше не дышу. Не могу. Смотрю на него наверняка огромными от ужаса глазами и не шевелюсь под его внимательным взглядом.

Божечки, страшно-то как!

Эмиль тоже не шевелится, пялится на меня, не моргая, пока твердость его желания становится только больше. Врезается в моё бедро, а он и не думает даже ради приличия скрыть свою физиологию от меня.

— Я хочу домой, — шепчу в очередной отчаянной попытке достучаться до него.

— Ты уже дома, — отзывается он.

Я чуть не плачу. В его словах уже нет никакого предупреждения. Они больше приговор напоминают. Как и его возбуждение.

— Отпустите, — прошу едва слышно. — Пожалуйста.

Мужчина выдыхает, но в самом деле отпускает. Отстраняется и отходит. Но я и тогда не шевелюсь. Страшно. Он же возбудился на меня. Возбудился!

Божечки мои, что происходит?

— Уйдите, — произношу охрипшим голосом.

Следующая секунда растягивается в вечность, прежде чем Эмиль реагирует. Шумно выдыхает. Кажется, хочет что-то сказать, но так ничего и не произносит. Уходит. Но я и тогда продолжаю сидеть, где была. Никак не отпускает ощущение, что если пошевелюсь сейчас, всё станет только хуже.

Может я сплю, и всё это просто плохой сон? Весь этот день, начиная с утра. Может я заболела, и это лишь мой горячечный бред на фоне повышенной температуры? Не может же такое происходить со мной на самом деле? Какое-то сумасшествие в таком случае.

Один использовал и бросил, другой — похитил и заставляет жить с ним. А я… никто почему-то не подумал спросить меня, чего я хочу. А я хочу домой, между прочим! Хочу под сериал пить с Ромашкой чай со смородиновым вареньем, есть домашние шоколадные печеньки и кутаться в плед — один на двоих.

На деле же сижу в незнакомой мне комнате, на столе, не соображая, что делать дальше. По щекам текут слёзы, а у меня банальных сил нет, чтобы их утереть.

Я могла бы сбежать. Но куда? Мы где-то за городом, на улице ливень, у ворот охрана. Да даже если сбегу, что помешает мужику снова украсть меня? Ещё и дом потом покидать совсем запретит. Судя по всему, на полицию рассчитывать тоже не стоит.

Вот блин!

Чёрт меня дёрнул связаться с Тамиром!

Но с ним хотя бы понятно, что к чему. А вот его брат по-настоящему пугает. Особенно тот факт, что он хочет меня. А уж если вспомнить наш диалог у кофейни…

“Хотя теперь я тебя точно запомнил. И при следующей встрече ты уже не отделаешься так легко”.

“Не волнуйся. Больно не будет. Если сама не попросишь”.

Ой, мамочки!..

А может он всё-таки на позу отреагировал? Ну а что? Всякое бывает. У всех свои слабости. Может у него вот такая? Возбуждается от объятий с девушками.

По крайней мере, так думать мне нравится больше, чем о том, что мужик в самом деле притащил меня к себе за тем, чтобы совратить. Это же… убиться проще!

Я так и не раздеваюсь, хотя со стола слезаю. Стаскиваю плед с кровати и заворачиваюсь в него вместе с головой, после чего забираюсь в шкаф, там и остаюсь сидеть.

Глупо, знаю, но зато безопаснее для нервов. Закрытое по моей воле пространство больше способствует спокойствию, чем всё остальное. Вот ещё бы придумать, что со всем этим делать. Но в голове пусто. Ничего в ней нет, кроме страха, что мужик вот-вот вернётся.

И он действительно возвращается…

Не знаю, сколько времени проходит. Я успеваю задремать. В реальность возвращает щелчок открывающегося замка. Замираю в своём убежище, не дыша. Только сердце будто отстукивает последние минуты моей жизни. Быстро и опасно громко. Я слышу шаги по комнате. Совсем рядом. Слишком близко. На глазах снова слёзы скапливаются. Чувство опасности зашкаливает.

Шаги останавливаются рядом со шкафом. А потом в дверцы тихонько стучат.

— Ужинать пора, — сообщает Эмиль.

Сперва хочу промолчать, потом решаю, что оно того не стоит. Если не отвечу, он точно заглянет в моё убежище. А так может смирится и уйдёт.

— Я не хочу, — отзываюсь негромко.

Напряжение зашкаливает. Мне кажется, я даже слышу, как пыль оседает на одежду. А нет, это мужчина шевелится. Его одежда шуршит. А затем он всё-таки открывает шкаф.

Я тут же вжимаюсь в свой угол, плотнее кутаясь в плед. Смотрю на него настороженно снизу-вверх. Но не вижу. Только очертания его большой и массивной фигуры, которой он затмевает свет в комнате.

— Тебе надо поесть. Если не ради себя, то ради ребёнка, — сообщает Эмиль с укором.

Надо, да. Тут не поспоришь. Но едва ли в меня сейчас что-то влезет. Скорее уже давно съеденное обратно через рот выйдет.

— Не можешь сама дойти, я донесу, — добавляет.

Затем хуже. Он наклоняется и поднимает меня на руки. Вот так, прямо с пледом. Легко и без особого напряга. Словно во мне не пятьдесят килограмм, а не больше десяти.

— Вы… Вы что делаете? — шепчу в ужасе.

Не то, чтоб мне не были понятны его действия, но вопрос срывается вперёд мысли. Вот и ответ выходит таким же нелепым:

— Несу тебя в столовую, чтобы ты могла поужинать.

— Сказала же, не хочу.

Мой голос по-прежнему тих и полон неуверенности, но на большее я сейчас просто не способна.

— Хочешь. Просто упрямишься.

— Даже если и так, это моё право. Вы не можете постоянно принуждать меня ко всему. Я вам не игрушка.

— Конечно не игрушка. С игрушками я не такой терпеливый.

Звучит настолько двояко, что я не нахожусь с ответом. Не знаю, насколько серьёзно он мне это говорит, но спорить желания не возникает. Так что весь последующий путь до столовой проходит в тишине. Проблема наступает, когда мы оказываемся у стола. Эмиль ставит меня на ноги и… начинает раздевать. Я не ожидаю ничего такого, а потому не успеваю перехватить плед удобнее и закономерно лишаюсь его. Следом за пледом наступает черёд куртки.

— Вы что творите?! — визжу, отпрыгиваю от него.

— Снимаю всё лишнее. Есть удобнее не в верхней одежде.

И вроде звучит всё вполне логично, но… Нафиг! Никаких раздеваний!

— Я не соглашаюсь!

Помнится, в машине я ему говорила нечто подобное. И мне это не помогло. Вот и в этот раз — тоже. Эмиль в один шаг преодолевает расстояние между нами. Я только вдохнуть успеваю, как уже притянута к нему вплотную за талию. Одной рукой. А вторая быстро и умело расстёгивает верхнюю пуговичку парки. Дальше наступает черёд молнии. Только пискнуть и могу, пока он буквально вытряхивает меня из одежды, снимая её через голову.

— Вы ненормальный! Отпустите меня! Да что вы делаете?!

— Облегчаю тебе жизнь.

А по-моему, нагло издевается!

— Мне облегчит жизнь, если вы отпустите меня, — заявляю, когда вновь оказываюсь на свободе.

— Разве я тебя держу? — выгибает он бровь.

Ещё и ладони приподнимает в показном жесте, мол — вот они. А то, что до этого только что творил ими, уже позабыто будто.

— Отпустите — значит вернёте домой, — поясняю с нажимом, вновь отступая от него.

— Ты уже дома, — ничуть не проникается мужчина.

В подтверждение его слов к нам подходит одетая в форменное платье девушка, подбирает мою куртку с пледом и уносит. И всё, что мне остаётся, — уныло смотреть ей вслед. Ведь стоит только сделать шаг в её сторону, как на моём пути встаёт мой пленитель.

— Тебе надо поесть, — возвращается к прежнему.

Уже даже не пугает, а банально раздражает своим упрямством.

— Мне надо, чтобы вы оставили меня в покое, — говорю, как есть. — Следить за моим самочувствием вы можете и на расстоянии. Если что-то не так, я всегда могу позвонить и сказать. Или вы собираетесь постоянно быть при мне, каждую минуту? — ехидничаю и сама же отвечаю: — Сомневаюсь. У вас наверняка работа есть. Соответственно, смотреть за мной будут ваши люди. И в таком случае делать они это могут также и вне вашего дома. И да, даже не надейтесь, что я в самом деле перейду на дистанционное обучение! Не для того я столько горбатилась и не спала по ночам, чтобы поступить на бюджет, чтобы теперь из-за чужой прихоти терять возможность нормально учиться. Вам надо, вы и сидите дома, а я не собираюсь лишать себя радостей жизни из-за вас. Понятно вам?

Кого удивляю данной тирадой больше — себя или его — не берусь сказать. Мне в принципе не свойственно такое поведение, веющее истерией. Обычно я тихая и спокойная, рассудительная. Но сегодняшний день и выходки стоящего рядом подкосили мою выдержку. Я так до конца и не переварила случившееся. И вряд ли скоро с этим справлюсь. Потому что Эмиль не намерен отступать, как и я. Я вижу это в его графитовых глазах. Упрямство и непримиримость. Проблема в том, что у него на руках все козыри: сила, деньги, власть. А у меня нет ничего. Свободы и той больше нет. Но даже так я не намерена сдаваться. Ни за что.

— Понятно, — единственное, что произносит он на мои предъявы. — Теперь мы можем поесть?

— Сперва пообещайте отпустить меня. Отвезти домой сразу после ужина, — заявляю непреклонно.

Не менее непреклонно звучит мужской ответ:

— Нет.

А следом он вежливо отодвигает для меня стул.

— Да почему?! — срываюсь на повышенный тон.

— Здесь я могу контролировать, что с тобой происходит. Чтобы с тобой не случилось ничего плохого.

— Единственное плохое в моей жизни — это Вы с Тамиром. Один козёл эгоистичный. А второй…

Не договариваю. На моей руке сжимается мужская и резко тянет на себя. Только ойкнуть и успеваю, прежде чем в печататься в твердую грудь лицом.

— Ну что же ты замолчала? — хрипло шепчет Эмиль мне на ухо. — Продолжай, конфетка. Какой я?

И я вдруг запоздало вспоминаю, что я так-то в заложниках у него тут нахожусь. И он при желании может сделать со мной, что захочет, и ничего ему за это не будет. Уехавшая без меня полиция тому отличное подтверждение.

Молчу я, в общем. От греха подальше.

Но не Эмиль.

— Я внимательно тебя слушаю, девочка моя.

И это его «девочка моя» — как смычком по натянутым нервам. Дрожью в теле откликается.

Я больше не смотрю на мужчину. Страшно. Ужас змеится вдоль позвоночника и колючими иглами оседает внизу живота.

Не знаю, что ему ответить.

— Язык прикусила? — продолжает давить он.

В голосе слышна насмешка, отчего я чувствую себя ещё большей дурой.

— Ага. От голода, — отвечаю ядовито, не сдержавшись. — Вы там, вроде, ужинать предлагали? Так давайте уже садиться за стол. И без того, наверное, остыло всё, пока вы забрасываете меня всеми этими глупыми вопросами.

И тут же в самом деле язык себе прикусываю, поймав его взгляд.

А я что? Не виновата я. Он сам до этого довёл. Думать надо было, кого крадёшь и поселяешь рядом с собой, в одном доме.

Блин! Точно! Почему я раньше до такого не додумалась? Надо просто показать ему, что я ужасная сожительница. Чтобы он сам захотел от меня избавиться.

Тем более, и повод как раз подходящий — совместный ужин.

И я, такая нехорошая, совершенно не умею вести себя за столом.

О, да-а!..

Свобода, жди меня! Я скоро к тебе вернусь.

— Отпустите? — бурчу, глядя на него исподлобья.

Мужчина хоть и нехотя, но руку с талии убирает, позволяя отойти от него. И вот ведь какая штука. Без его близкого присутствия становится жутко неуютно и прохладно. Хотя в самом помещении довольно тепло. Я нервно потираю ладошки друг о дружку, пока иду к накрытому столу. Он, кстати, довольно длинный и широкий. Рассчитан на большую семью, заставлен многочисленными блюдами, начиная от картошки с чесноком и заканчивая запечённой в лимонном соусе рыбе. Можно подумать, что к нам должен присоединиться кто-то ещё, но по факту накрыто это богатство на две персоны.

Эмиль, как и прежде, подходит к стулу, помогая мне сесть за стол, а затем усаживается напротив. Жаль, приборы не поставили по разным концам стола, а всего лишь по бокам у одного. Полтора метра расстояния едва ли можно назвать безопасным. Ему достаточно привстать и руку протянуть, чтобы коснуться меня.

— Что тебе положить? — интересуется он.

Я перевожу взгляд с риса на овощи, на рыбу и сочное мясо средней прожарки. Всё выглядит и пахнет настолько аппетитно, что желудок возмущённые рулады петь начинает, намекая на то, что в нём сегодня из еды только пирожки да чай были, и то далеко в обед.

— Всё, — говорю величественно. — Положите мне всё.

Бровь у него едва заметно приподнимается.

— Всё?

— Ага. Я беременная, мне можно, — огрызаюсь. — И не жалейте. Я много ем. Очень. Страшно много.

Пусть сразу знает, на какую жрущую катастрофу подписался.

Он не спорит. Спокойно накладывает картошку, овощи, рыбу, кусок мяса, салат, какой-то рулет из лавашей. Тарелка превращается в маленькую гору Килиманджаро. Я смотрю на неё и понимаю, что если сейчас не начну свой великий план «Отвратительная соседка», то потом будет поздно — просто нажрусь и умру от счастья, как последний хомяк.

Ну уж нет.

Я демонстративно беру вилку неправильно, как в детском саду, зажимаю кулаком, пододвигаю тарелку поближе… и начинаю есть.

Нет. Не есть.

ЧАВКАТЬ.

Специально. Громко. Сочно. С таким звуком, будто меня воспитывали волки, и то посчитали недоразумением.

Картошка летит не только в рот, но и чуть в сторону. Немного соуса капает на стол. Я жую с открытым ртом, смакую громко, как в рекламе лапши, и ещё вприглядку смотрю на него — ну, давай же, морщись, психуй, выгоняй меня к чёртовой матери.

А этот псих сидит и… смотрит.

Спокойно. Внимательно. Как будто я, мать его, обложка ресторана «Мишлен», а не беременная чавкающая катастрофа.

— Вкусно? — спрашивает.

— Оф-фень, — отвечаю с набитым ртом, намеренно не проглотив. — Обалденно пъосто.

И ещё немного чавкаю.

— Ешь, — кивает он, как будто доволен. — Тебе нужно восполнять ресурсы.

Ресурсы, блин.

Я чуть не смеюсь.

Ладно. Усложним задачу.

Я специально бросаю вилку на тарелку с таким звоном, что, кажется, посуда в шкафу вздрагивает, хватаю кусок хлеба руками и начинаю макать его в соус, размазывая всё по тарелке так, будто рисую абстрактную картину. Потом отправляю этот хлеб в рот целиком, жую и в процессе:

— Так вот, — начинаю говорить с набитым ртом, — я вам сразу скажу, я довольно груба и цинична. И терпеть не могу всю эту мишуру с правилами. Почему кто-то когда-то вообще решил, что именно так правильно, а по-другому нет? Считаю, что правильно только то, что нравится мне. Поэтому жую я громко, разговариваю за столом, облокачиваюсь на него вот так, — демонстративно ставлю локти на стол и почти ложусь грудью к тарелке, — и вообще, поведение у меня очень так себе. Так что, если вы тут рассчитывали на благовоспитанную барышню, которая режет лист салата на восемьдесят идеальных кусочков, это не ко мне.

Чтобы закрепить эффект, я чихаю. Внезапно. Сочно. И немного риса вылетает обратно на тарелку.

Да, я монстр. А он должен страдать.

Но нет.

Эмиль смотрит на меня так, будто я только что исполнила его тайную эротическую фантазию номер один.

— Расслабься, — усмехается. — В твоём положении почти всё можно.

Я давлюсь рыбой.

— Ч-чего? — выпаливаю, хватаясь за стакан.

Запиваю, издавая нарочно громкое «пффф», вытираю рот тыльной стороной ладони. Даже не салфеткой. Ладонью. Потом этой же рукой хватаю ложку.

— Говорю, ешь как удобно, — повторяет спокойно. — Я не из тех, кто читает лекции про манеры за столом.

— А-а, — протягиваю подозрительно. — Это вы ещё меня плохо знаете.

И, чтобы не быть голословной, зачерпываю рис так, что половина падает обратно, половина — куда-то мимо. Поймав один заблудившийся рисовый зёрнышко на декольте, театрально его оттуда вылавливаю и кидаю в рот. Специально не краснею. Ну… почти.

Эмиль наклоняет голову, наблюдает.

Внимательно.

Слишком внимательно.

— Вряд ли ты сможешь меня чем-либо удивить, — подытоживает. — Всё, как у всех живых.

— Это вы сейчас так мои манеры живыми назвали? — фыркаю.

— Твои манеры мне нравятся, — совершенно серьёзно отвечает он. — Человек, который ест как живой человек, а не как манекен — это хорошо.

Я замираю с поднятой ложкой.

Он… это что, серьёзно сейчас?

— То есть, — уточняю медленно, — вы реально… не против? Ни чавканья, ни локтей на столе, ни того, что я вот так руками в еду лезу? — уточняю недоверчиво.

Чтобы не быть голословной, снова берусь за хлеб. На этот раз ещё более демонстративно.

— Я против, когда человек притворяется, — спокойно говорит он. — А ты сейчас абсолютно честная. Голодная, злая, беременная. Это… — он на долю секунды задумывается, подбирая слово. — …идеально. Да. Идеальная женщина.

Я чуть не падаю со стула.

Я не ослышалась?

Он меня реально только что идеальной женщиной назвал?

— Вы больной? — срывается с губ уже отдельно от мыслей.

— Ты меня только что оскорбила? — щурится Эмиль.

Я тут же со всем вдохновением хватаюсь за эту свою маленькую победу.

— А что, не нравится? Я ведь предупредила, что грубая, — щурюсь в ответ.

И тут же разочарованно выдыхаю, когда слышу:

— Тебе можно.

Вот тут у меня уже не выдерживают нервы. Я демонстративно беру вилку — да, всё тем же детсадовским хватом, — накалываю самый большой кусок мяса, который вижу, и, глядя ему в глаза, засовываю себе в рот. Слишком большой, чтобы выглядеть прилично. Начинаю жевать. Громко. Упрямо.

Щёки распирает. Глаза слезятся — не от чувств, от объёма. Я чуть не задыхаюсь, но продолжаю жевать до конца, лишь бы не первой отвести взгляд.

И да, он всё ещё смотрит. Ни разу не морщит нос. Наоборот, взгляд постепенно темнеет, как будто я тут не мясо ем, а что-то неприличное делаю специально для него.

Божечки, может, он и правда больной?

— Если продолжите так на меня смотреть, я подавлюсь, — бурчу сквозь очередной жевок.

— Не подавишься, — уверенно отзывается он. — Я рядом.

И почему-то от этой простой фразы внутри всё делается из ваты. Неприятной, липкой, раздражающей, но ваты.

Я, походу, тоже в последнее время чем-то больна…

Взгляд в итоге тоже так и не отвожу. Решаю, что надо усиливать оборону и выглядеть более убедительной, раз с первого раза ему не зашло. План «ужасная сожительница» ещё не выполнен. Одного ужина мало. Поэтому, когда доедаю первую тарелку (да, так уж выходит), тянусь за добавкой, не спрашивая. Накладываю себе сама, роняя половник, цепляя краем блюда салфетницу, чуть не опрокидывая стакан. В обычной жизни я бы от стыда под стол спряталась. Сейчас — нет. Сейчас я хищно смотрю на Эмиля: ну давай, взорвись уже, чёрт бы тебя побрал.

А он…

— Приятного аппетита, — желает он тихо.

— У меня он всегда приятный, особенно когда за чужой счёт.

Ну а что? Если не удалось напугать его своими манерами, стану ещё и меркантильной. Или нет?

Ведь он и тогда не ведётся.

— Так и должно быть, — не моргнув глазом, кивает.

Что сказать…

А нечего!

Не придумывается на этот раз.

И раз уж мои губы пока свободны, тянусь за пирожным. Берусь сразу за два, откусываю поочерёдно от обоих, перепачкиваю пальцы кремом, потом демонстративно облизываю. Громко. Смачно. Как в дешёвом сериале, где у главной героини кроме рта больше никаких талантов нет.

Эмиль замирает. На секунду.

Потом подозрительно медленно делает вдох.

— Вкусно? — спрашивает снова.

Его голос становится ниже, чем был.

— Офигенно, — честно отвечаю. — Я бы всю жизнь так ела.

— Ешь, — произносит он. — У тебя вся жизнь впереди.

Я всё-таки отворачиваюсь, демонстративно закидываю в рот ещё кусок и даю себе слово: ладно. Хорошо. Если так, я сделаю ему ещё хуже. Буду чавкать, кривляться, таскать его футболки, громко смотреть сериалы по ночам, раскидывать носки и волосы по всей его идеальной каменной крепости. Даже если это не выбесило его сегодня, посмотрим, что будет, когда я стану делать так каждый день. И пусть прямо сейчас он сидит напротив с таким видом, словно нашёл именно ту катастрофу, о которой всю жизнь мечтал, рано или поздно, он пожалеет, что меня похитил.

Уж я постараюсь!

Пока же я продолжаю есть, втихую наблюдая за ним.

Он красивый. Очень. Как ожившая картинка. Глаза такие, будто кто-то нарисовал их простым карандашом, доведя до совершенства каждую линию, каждую прожилку, зрачок и ресничку. И эти две хмурые складки между бровей. Прямой нос. Мягкие пухлые губы. Совсем не похож на Тамира.

Возможно, дело в бороде. Она сглаживает черты лица и добавляет возраста. Но глаза у них точно разные. Не только цветом. У Тамира они какие-то слегка раскосые, а у Эмиля более округлые. И губы у сидящего напротив тоньше, чем у его брата. А может это борода опять же так влияет на восприятие. Даже почти интересно, какой он без неё. Да и телосложение у них сильно разнится. Эмиль намного крупнее, на массе. Тамир более сухощавый, гибкий. Мне

всегда ближе были худые парни, невысокие. Таких, как Эмиль, я опасаюсь. Слишком крупный для маленькой меня. Мой средний рост рядом с ним кажется лилипутским. Как с таким жить? А если он разозлится и ударит тебя? Нафиг! Хотя сам по себе Эмиль не похож на того, кто поднимает руку на женщину. Было бы это так, моя выходка за столом точно не осталась бы безнаказанной. А Эмилю реально будто нравится моё поведение.

Я в руках держу всё те же пирожные, лениво жую одно из них, подложив кулак со вторым под щёку, а он даже не скривился до сих пор ни разу. С самым благодушным видом ест свой кусок мяса, но как положено, с вилкой и ножом. Медленно, с толком, с расстановкой, наслаждаясь каждым моментом своей трапезы. Словно на великосветском приёме находится, а не в домашней столовой, отчего моя выходка кажется настоящей тупостью.

Но неужели ему реально всё равно?

Вот не верю!

Да кто вообще станет терпеть такое? Да я бы сама лично уже психанула бы давно, ещё в самом начале. А он чай мне заботливо подливает, да новое пирожное подкладывает в десертную тарелку.

Вот как так можно? Я для кого тут так страдаю, в конце концов? Безобразие какое-то! И даже хуже. Как только я понимаю, что больше ни кусочка в себя вложить не смогу, Эмиль тут же встаёт из-за стола. Обходит его, а потом под мой очередной обалделый “ах” поднимает меня на руки.

— Эй, вы что делаете? А ну пустите меня! Я сама могу ходить.

— Можешь, — не спорит мужчина. — Но мне так больше нравится.

И я на такое очередное странное заявление не нахожусь так сразу со словами.

— А мне нет. Что с этим делать будем?

— Исправлять. Тем более, ты врёшь. На самом деле тебе это тоже нравится.

Нет, ну наверное чисто по-женски, где-то очень глубоко внутри, мне и правда приятно, что такой потрясающе красивый мужик носит меня на руках, вот только ситуация как-то не располагает в полной мере радоваться такому. И даже пугает. Особенно вкупе с воспоминанием о его возбуждении в мою сторону.

Ну а что? Накормил, напоил, теперь можно и в постельку уложить.

Если так подумать, схема один в один, как у Тамира, с той лишь разницей, что с ним я сама виновата, сама позволила себя соблазнить, по-глупому поверив, что нравлюсь ему и у нас всё серьёзно. Негодяй ведь и жениться обещал, с родителями знакомиться собирался. Козёл! А Эмиль и того не предлагает. Сразу к себе поселил. Но хоть лапшу на уши не вешает, и на том спасибо.

— Зачем вам это всё? — уточняю вопреки всем своим мыслям у него, когда он начинает неспешно подниматься по лестнице на второй этаж.

— Что именно?

— Всё. Я. Здесь. С вами. У вас на руках.

Это глупо. Подумаешь, беременна. Это не повод, как по мне.

Но только по мне.

Эмиль улыбается. Опять одним лишь уголком губ, но всё же довольно искренне.

— Я уже сказал. Мне нравится. К тому же, только так я смогу защитить тебя в случае чего. От того же Тамира.

— Думаете, ваш брат захочет что-то мне сделать, или как-то навредить ребёнку? — напрягаюсь.

— Не думаю, но нервы потрепать мой брат способен.

Его голос ровный, спокойный. Он призван успокоить, но слова… слова убивают.

— О, это я знаю, — усмехаюсь с горечью, прикрывая глаза.

И против воли вспоминаю всё то, что случилось после нашей первой и последней близости. Как он выставил меня из своей квартиры в подъезд, даже не дав толком одеться.

“Ничё так было, может когда-нибудь повторим. Адьос”, — звучат забытые слова в ушах.

Им вторит громко захлопнувшаяся дверь.

Я тогда минут пять простояла в непонимании от случившегося, прежде чем до мозга дошла простая истина. Ведь разве ждёшь такого от человека, который несколько недель вешал тебе лапшу на уши о своей любви и прочем дерьме? Никогда. И уж точно не при таких обстоятельствах.

Больше я ничего ему не говорю. Мы в молчании доходим до моей комнаты, где я наконец оказываюсь поставлена на ноги.

— Знаешь, что я думаю? — вдруг спрашивает Эмиль.

Улыбается. На этот раз не одним уголком губ, а по-настоящему. И это пугает больше прежнего.

— Что? — интересуюсь негромко.

Эмиль улыбается шире. Через паузу почти радостно заявляет:

— Мы прекрасно с тобой уживёмся!

Эм…

Что?!

А он уходит, довольно насвистывая. Будто не приговорил меня только что к тюремной каторге.

Вот же… муж-ж-чина!

Я слежу за ним, пока он не скрывается в комнате рядом, после чего захожу в свою, громко хлопнув дверью.

Уживёмся мы, как же…

Я ему покажу “уживёмся”!

Он обязательно пожалеет, что украл меня и принудил жить с ним. На крайняк всегда можно попробовать всё-таки сбежать. Ромашка мне в помощь!

Глава 5

Эмиль

Просыпаюсь от собственного дыхания. Тяжёлого, хриплого, как если бы всю ночь бегал марафон по горящему лесу, а не лежал в собственной постели. Лёгкие словно в огне, грудь стянута раскалённым железным обручем. В горле вкус сухого металла, будто всю ночь скрипел зубами и не спал, удерживая что-то чудовищно сильное, способное разорвать изнутри.

Собственно, так и есть.

Ведь она — в соседней комнате.

Одного этого знания достаточно, чтобы по телу прокатилась волна такого голода, что зубы сводит. Будто кто-то резко выкрутил все рычаги чувствительности на максимум. Простыня кажется шершавой. Воздух — слишком горячим. Тишина — слишком громкой.

Зверь внутри просыпается мгновенно.

Не лениво, не по-человечески, а так, словно его ударом швыряют в реальность. Поднимает голову, скребётся под рёбрами, царапает кости изнутри, требуя: *к ней, к ней, к ней.*Эта навязчивая мантра расползается по нервам, по позвоночнику, отзывается ломотой в челюсти и пальцах.

Я стискиваю зубы так сильно, что в висках звенит. Сводит мышцы на скулах. Хочется выматериться так, чтоб штукатурка осыпалась, но даже на это нет сил — всё сжато в один тугой комок желания и ярости.

Проклятье…

Ещё одна такая ночь, и я точно выломаю дверь к ней. Вырву замок, снесу коробку, плевать. Войду и заберу.

Не потому что слабый.

Я не слабый. Я умею держать себя в руках, слишком долго живу с тем, что внутри, чтобы не знать, как его сдерживать.

Но она — моя.

Не по бумажкам. Не по каким-то идиотским договорённостям. Глубже. Жёстче. По тому закону, который важнее всех человеческих — по звериному. С того момента, как я впервые вдохнул её запах, моё тело знает это лучше мозга. Мозг ещё пытался спорить, анализировать, орать, что это проблема, нарушение, беда. Зверю похрен. Он просто решил: вот она. Моя пара. Моя.

Я выдыхаю резче, чем нужно, и поднимаюсь. Тело налито свинцом. Как после драки, где выстоял, но каждое движение отзывается тупой болью. Пальцы чуть дрожат, когда стягиваю с себя футболку, штаны, бросаю на пол на ходу. Холодный воздух комнаты обжигает разгорячённую кожу.

Надо в душ.

Хоть какая-то иллюзия контроля.

В ванной включаю горячую воду до упора — почти обжигает кожу мгновенно. Пара секунд, и зеркало начинает затягивать паром. Струи с шумом падают на плечи, по спине, разбиваются об лопатки, стекают по позвоночнику, но напряжение не уходит. Только расплавляется, сгущается, тяжёлыми слоями перетекает вниз.

В низ живота.

А перед глазами — она.

Вчерашняя.

Мокрая после дождя. Промокшая насквозь. Красная парка облепляет тонкую фигуру. Волосы прилипли к шее, к щекам. Глаза — огромные, зелёные, будто лес под дождём. Дрожа-

щая. Но упрямая до безумия, до идиотизма. До того, что мне хочется одновременно рявкнуть и рассмеяться.

Её тонкие пальцы на моей груди, когда она пыталась оттолкнуть…

Её ноги вокруг меня, когда она цеплялась за раму, не желая слезать со стола...

Её панический запах — чистый, острый, захлёстывающий, сводящий с ума сильнее любого адреналина. Страх, стыд и злость в одном коктейле, от которого зверь внутри растёт в размерах.

Я закрываю глаза.

Ошибка. Недоразумение судьбы.

Внутри вспыхивает тот момент, когда её роскошные стройные ножки на миг сжались вокруг меня. Совершенно случайно, на рефлексе. Всего секунда, полдвижения. Но этого, падла, хватает, чтобы кровь пошла мгновенно вниз, как искра в сухую траву, которая вспыхивает и нет пути назад.

Воспоминание о тепле её бедер на мне, как удар током. О том, как её тяжело сбившееся дыхание щекотало мне шею. О том, как она выдохнула “вы…”, и в этом одном слове было слишком много всего: страх, растерянность, ненависть, слабая, но всё же, доверчивость.

Горячая вода стекает по груди, по животу, утыкаясь в напряжённые мышцы. Пульс в паху бьёт резко, болезненно, как будто там в венах вместо крови расплавленный металл. Зверь во мне рычит так громко, что это почти слышно физически. Эхо в груди, от которого хочется ударить кулаком в стену, чтобы хоть чем-то заняться, кроме как думать о ней.

Я опираюсь ладонью о плитку — горячую, гладкую. Капли стекают по предплечью к запястью, оттуда срываются вниз.

Большой, тяжёлый вдох.

Бесполезно.

Я представляю, как она стояла на столе — маленькая, взъерошенная, как в каком-то абсурдном флаге капитуляции. Орала в окно так, что, казалось, стекло завибрирует, и при этом цеплялась за раму, как котёнок, забравшийся слишком высоко.

И как её бедро скользнуло по мне, когда я стаскивал её от окна к себе...

Тепло там, где я касался её…

Прикосновение — секунду, не больше. Но тело помнит. Плоть помнит лучше мозга.

Запах её кожи…

Тонкой, нежной, тёплой. Запах дождя, мокрой ткани и девчачьей леденцовой сладости. То, как она смотрела — испуганно, но при этом ярко, по-живому, как будто в любой момент готова укусить. Не сломаться, не расплакаться, а именно укусить.

И это ломает меня окончательно.

Я сжимаю пальцы вокруг непроходящего стояка медленно, почти сдержанно поначалу, но всё равно выдох срывается сдавленным хрипом. Грудь поднимается, как меховая гармошка, воздух режет изнутри.

Не потому, что сильно хочу вот так.

Потому что иначе — задушит.

Разорвёт.

Сорвёт голову, а я пойду к ней. И к чёрту все Советы, правила и логику.

Каждое движение плотно сомкнутой вокруг члена ладони рвёт нерв. Каждый выдох — её имя, даже если я не произношу его вслух. Оно всё равно звучит где-то между сердцем и горлом. Каждый вспыхнувший образ поднимает новую волну желания, от которой темнеет в глазах.

— блять… — шиплю сквозь зубы, запрокидывая голову к стене.

Меняю градус напора. Теперь уже холодная вода хлещет по горлу и подбородку, стекает дальше, но не охлаждает, а только добавляет ощущение, что всё тело будто обожжено изнутри.

Её губы — мягкие, тёплые, сочные, как спелая ягода, за которую я готов любому перегрызть глотку. Даже Тамиру. Её запах — сладкий, фруктовый, но под ним — утончённо-женственный, слишком правильный для меня, слишком подходящий. Её дрожь — моя. Её страх — мой. Я чувствую его так же отчётливо, как свой собственный пульс. Её ребёнок — не мой… но зверь считает иначе. Зверю плевать на детали. Зверь хочет защитить. Зверь хочет прижать её к стене так, чтобы между нами не осталось ни миллиметра воздуха, чтобы ей больше не пришло в голову просить кого-то "спасти" её от меня. Зверь хочет слышать, как она дышит — и только моим воздухом, моим ритмом, в моей постели.

Я двигаюсь жёстче, быстрее, почти болезненно. Это не про удовольствие нихера. Это наказание.

Надрыв.

Спасение.

И расплата в одном флаконе.

Резкий выдох рвётся сквозь сжатые зубы. Пальцы на секунду теряют хватку, мышцы спины сводит, живот напрягается до боли. Я упираюсь лбом в плитку, пока волна тепла накрывает и прокатывается до самого низа позвоночника вместе с брызгами спермы.

Дыхание далеко не сразу приходит в норму.

Лёгкие жгёт, будто я выкурил сразу десяток сигарет. Вода всё так же льётся, шумит, как фон, как белый шум, но в голове тишины нет.

Я стою в душевой, всё ещё в состоянии, будто после драки, где неважно, кто победил.

Легче не становится.

Ни на гран.

Потому что мысль одна, простая, как приговор: она в доме, она под моей крышей. Она живёт у меня. И я хочу её так, что это уже не желание. Это болезнь. Зависимость. Одержимость, которая только крепнет от каждого её взгляда, от каждого "я хочу домой", от каждой попытки вырваться.

Выключаю воду грубым, резким движением. Вода смолкает, и тишина ударяет по ушам сильнее, чем былой шум.

Капли воды по инерции всё ещё стекают с моих волос, спины, груди. Я хватаю полотенце, на ходу обтираю плечи, шею, руки. Натираю кожу до красноты, будто пытаюсь стереть с неё все мысли о ней.

Бесполезно.

В зеркале на миг ловлю своё отражение — тёмный взгляд, сжатая челюсть, хищные тени под скулами. Зверь смотрит из глубины зрачков, и его совсем не устраивает то, как я "решил вопрос".

Я успокаиваю его только одним: она здесь. И останется. Я не отпущу. Ни её. Ни ребёнка. Ни эту ебучую судьбу. Всё под контролем. Она моя.

Вместе с последней мыслью провожу рукой по волосам, открывая дверь из ванной. И мир снова наклоняется под странным углом.

В моей гардеробной — сплошь хаос.

Не просто какой-нибудь творческий беспорядок, а натуральное поле боя после налёта диверсионной группы. На полу — половина моей одежды. Рубашки, свитера, футболки, как будто кто-то взорвал шкаф изнутри. Несколько вешалок валяются у порога, одна залипла в дверном проёме, другая — на спинке кресла. На одной из белых рубашек чётко видны маленькие следы женских ног — отпечатки от мокрой ступни. На брюках из последней коллекции — также следы от её пальцев, видимо, просто сдёрнула и швырнула. А сама Аля стоит посреди этого беспорядка, босая, и растрёпанная, с видом маленького урагана, который решил уничтожить всё подчистую и даже не подумал извиниться.

Да, это утро будет интересным.

— Что ты делаешь? — спрашиваю, облокотившись о косяк так, будто абсолютно спокоен, хотя на самом деле я уже на грани.

Она вздрагивает. Медленно поворачивается.

Секунда. Две. Три.

Её взгляд сначала цепляется за моё лицо, и тут же срывается ниже. По шее. По груди. По животу. По голым бёдрам. Я стою, так и не завязав на себе это чёртово полотенце. Оно просто висит в моей руке, как совершенно бесполезная деталь в происходящем.

Глаза у неё расширяются. Зрачки расползаются. Щёки вспыхивают так резко, словно кто-то приложил к ним раскалённый металл. Она судорожно вдыхает, но не отводит взгляд. Наоборот, на долю секунды зависает там, куда ей точно не следует смотреть.

И моё тело отвечает быстрее, чем мозг успевает выругаться.

Внизу всё моментально тяжелеет, наливается, реагирует на её внимание, будто оно — прямой приказ. Зверь довольно рычит. Ему нравится, как на меня смотрит моя девочка. Смущённо. Испуганно. Заинтересованно. Жадно. Хотя она даже сама себе в этом не признается. Аля судорожно отворачивается, почти ломая себе шею, но поздно. Я уже чувствую, как запах её смущения взлетает в воздух — горячий, пряный, колкий. Страх смешивается с чем-то ещё. С тем, что ей не положено испытывать ко мне после похищения. С тем, что она вслух не произнесёт. По крайней мере, не сегодня.

— Вы… — выдыхает она хрипло, уткнувшись взглядом куда-то в стену. — Вы… могли бы… надеть что-нибудь, когда… заходите…

Я усмехаюсь. Глухо. Даже не пытаюсь прикрыться. Что-то внутри намеренно тянет момент, смакуя её реакцию, как самое извращённое утреннее шоу.

— Не успел, — отзываюсь спокойно, как будто мы обсуждаем завтрак. — Не ожидал, что в моём гардеробе обнаружу стихийное бедствие.

Она шумно сглатывает. Её пальцы сжимаются на какой-то рубашке так, что костяшки белеют. Девушка всё ещё отводит взгляд, но я вижу, что ей приходится бороться с собой, чтобы не посмотреть снова.

От этой мысли во мне что-то опасно улыбается.

Я делаю шаг внутрь. Один. Второй.

Аля мгновенно отступает назад, упираясь лопатками в стойку с одеждой. Воздух между нами густеет, словно кто-то залил пространство чем-то вязким и горячим. Её сердце стучит так громко, что я физически слышу этот ритм.

Зверь урчит.

Я поднимаю руку, цепляюсь пальцами за полотенце — чисто по инерции, как будто собираюсь всё-таки прикрыться. Но, поймав, как у неё дрожат ресницы, как бегло дёргается взгляд, опускаю ладонь обратно.

Пусть привыкает...

Секунда тянется, как резина. Потом я всё-таки отступаю на шаг. Даю ей воздух. Её плечи едва заметно опускаются на выдохе.

— Что ты делаешь? — повторяю уже ровнее, как ни в чём не бывало, пока наблюдаю, как она снова цепляется за хаос вещей, лишь бы не смотреть на меня.

— Ищу, что мне надеть сегодня, — отвечает, не поднимая взгляд. — Вы ж меня забрали с улицы, без вещей. Так что я решила, что в таком случае имею право восполнить недостающее у вас в гардеробе.

На слове “имею” она швыряет ещё одну вешалку прямо к своим ногам. Как будто пытается напомнить себе, что злится. Что боится. Что ненавидит. Что я — похититель, а не тот, на кого можно смотреть с расширенными зрачками.

Я хмыкаю.

Зверь довольно щурится.

— Всё моё — твоё, — говорю негромко.

И в этот момент это звучит куда глубже, чем просто про одежду.

Конфетка всё-таки поднимает на меня взгляд. Злой. Колкий. Неверящий. Потрясённый тем фактом, что я до сих пор не прикрылся, но не спрашивает напрямую. Только демонстративно фыркает, будто этим может сбить напряжение. Стаскивает с плечиков белую футболку, потом синюю рубашку. Движения — резкие, нервные. Она старается выглядеть наглой, но запах её смущения всё равно режет мне нос.

— Я тут немного насорила, но вы сами уберёте же, да? — бросает, проходя мимо меня, стараясь не задеть.

Не прикасается. Но воздух между нами всё равно искрит. Аля выходит из комнаты с максимально гордым видом, будто не она сейчас разглядывала меня по частям. Я остаюсь. Пока. Тем более, что она возвращается через несколько секунд. Этакий маленький ураган — второй заход.

— Совсем забыла.

Проходит мимо меня так, будто я мебель. Открывает стеклянный бокс с часами. Даже не раздумывает — вытаскивает спортивные, чёрные.

— Это я тоже возьму. Они мне понравились.

И опять уходит. На этот раз действительно. Я стою ещё пару мгновений, слушая, как удаляются её шаги. В груди — тяжёлое, тягучее тепло. Внизу — всё ещё ни хрена не спокойно.

И тихо смеюсь.

Чую, ближайшие недели будут охуенно весёлыми. Во всех смыслах.

Она реально думает, что сможет меня выбесить. Что её маленькие войны, её демонстративные «насорила», её чавканье и прочие провокации заставят меня сдаться и сказать: «Ладно, иди, живи своей жизнью».

Наивная.

Я теперь, если и перегрызу кому-то глотку — то скорее себе. Но её из своей жизни уже не выпущу.

Да, я поступил не по правилам. Да, забрал её силой. Да, загнал в этот дом, как птицу в клетку. Но другого выхода реально нет. Она ведь носит то, что может её убить. Плод, который слишком силён для её тела. Плод, за который отвечает мой род. Если ещё позволить ей болтаться без моего контроля… Зверь во мне сорвётся с цепи. А вместе с ним сорвусь и я. И ей, как ни странно, тоже лучше здесь. Пусть пока она в это нихрена не верит.

Смотрю на разгромленный гардероб, на одежду, по которой уже пробежались её босые ноги, и понимаю только одно…

Не только это утро будет интересным. Вся наша общая жизнь — тоже.

Я одеваюсь намеренно неспешно. Дожидаюсь, когда первой справляется она, а потом выходит в коридор, задерживается около моей двери. Хочу, чтобы она слышала каждый звук: как открывается шкаф, как шуршит ткань рубашки, как ремень проходит через пряжку с сухим щелчком.

Хочу, чтобы знала: я собран. Спокоен. Опасен в своей тишине.

Но стоит мне спуститься в столовую, приходится с силой втолкнуть внутрь зверя, чтобы не зареветь от смеха и голода одновременно.

Аля сидит ***на*** столе. Как маленькая королева хаоса. Колени поджаты под себя. Волосы растрёпаны так, будто она дралась с подушкой всю ночь. Моя футболка висит на ней, как платье-мешок, но при этом умудряется выглядеть вызывающе, дерзко, как будто это часть тщательно выстроенного плана разрушения моего самообладания.

Она ест. Если то, что она делает, вообще можно назвать едой.

Крошки — везде. Хлеб — сломан пополам, а не отрезан. Она чавкает — демонстративно. Откусывает огромные куски. Лижет пальцы до последней капли. И всё это — не потому что

голодная. Потому что знает, что я смотрю. Потому что хочет вывести меня из себя. Потому что помнит вчерашний ужин… и решила продолжить пытку.

Что ж…

Я только “За”.

Подхожу ближе. Её запах — свежий хлеб, тонкая нота страха и упрямства, всё это накрывает меня так резко, что пальцы на миг сводит.

— Ты опять… — начинаю.

Она поднимает взгляд.

блять…

Вот эти глаза — блестящие, злые, насмешливые — они опаснее любой угрозы. Конфетка улыбается уголком губ, облизывает большой палец, медленно, слишком медленно, будто проверяет, как быстро у меня перехватит дыхание. И у меня правда перехватывает.

“Не нравится?” — читаю без слов на её лице.

Ей нравится играть с огнём. Ей нравится проверять, насколько далеко она может зайти. Вполне возможно, что ей даже нравится чувствовать, как зверь внутри меня просыпается, хотя этого пока и сама не осознаёт.

Она думает, что контролирует ситуацию.

Наивная.

Я наклоняюсь к ней — близко, слишком близко. Так, чтобы она почувствовала тепло моего дыхания у шеи. Она вздрагивает. Совсем чуть-чуть. Но я замечаю.

И продолжает жевать. Спокойно. Нагло. Делая вид, что мне не удаётся сбить её маску. Хотя дыхание у неё уже чаще. Пульс подскакивает. Запах смущения даёт вспышку в мозгу, как бензин на искру.

Зверь рычит, выгибается, скребётся.

Надо держать себя в руках.

Только поэтому я отстраняюсь. Сажусь на её же стул. Спокойно.

Слишком спокойно.

Она сжимает вилку чуть крепче. Явно ожидала вспышки. Ожидала запретов. Ожидала морали. Но я не тот человек, который позволит маленькой девочке вывести себя из равновесия.

Хотя вывести её саму как раз не прочь…

Вот и подхватываю салфетку, а затем вытираю уголок её губ. Очень медленно. Намеренно.

Аля замирает. Её красивые глаза расширяются в шоке.

— Вы… что вы делаете? — шепчет едва слышно.

Я смотрю ей в глаза.

Отучаю тебя от бесполезных игр.

Но вслух говорю:

— Крошка.

Её грудная клетка дёргается от этого обращения. До неё не сразу доходит, что это не совсем оно.

— Ты ешь, как порождение одичавшей стаи. Я не против. Но я предпочёл бы, чтобы ты делала это без риска подавиться. Особенно от злости, — добавляю.

Она прикусывает губу. Этот жест — как нож мне под рёбра. Сладко. Больно. И она будто очень хорошо знает, что я отреагирую именно так.

Я подаю ей чашку с чаем. Она принимает. Её пальцы дрожат. Самую малость.

— Поешь нормально, — говорю тихо. — Потом поедем.

Её глаза мгновенно становятся ещё шире.

— Куда?

— К врачу.

Она отодвигается, как будто я кинул в неё нож.

— Не поеду.

— Поедешь.

— Нет.

— Альбина, — я произношу её имя медленно, глухо, владея каждой нотой. — Ты беременна. И нужно убедиться, что всё в порядке.

Она соскакивает со стола так резко, что едва не падает. Смотрит вызывающе, с тем самым огнём: “Ты мне не хозяин!”

Вот только всё её тело говорит противоположное. Страх. Паника. Беспомощность. Желание выжить. Она делает шаг назад, когда я поднимаюсь. Слишком честная реакция, чтобы скрыть.

— Не хочу я к вашему… — запинается: — …любому врачу.

— К акушеру, — поправляю. — К тому, кто знает, как вести такие беременности, как твоя. У кого не отнимется рука, если что-то пойдёт не так.

Аля моргает. Её дыхание сбивается. Впервые за всё утро она перестаёт играть.

— Если что-то пойдёт не так? — хмурится. — Вы… что это значит? Что может пойти не так?

Чёрт. Рано. Но назад дороги нет.

— Это узнаем на УЗИ, — отвечаю ровно. — Одевайся, если поела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.